

АНАТОЛИЙ САВИН

Степан Разин Вольному — воля

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
В СТИХАХ. ЧАСТЬ 3

Анатолий Савин

**Степан Разин. Вольному – воля.
Историческая повесть
в стихах. Часть 3**

«Издательские решения»

Савин А.

Степан Разин. Вольному – воля. Историческая повесть в стихах.
Часть 3 / А. Савин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934613-1

Продолжаю знакомить вас с повестью о легендарном казаке Разине Степане Тимофеевиче. В третьей части атаман, вкусив небывалый успех, вместо того, чтобы продолжать теснить бояр вверх по Волге, зависает в Астрахани, теряя время на переустройство городской власти по типу вольного Дона. Царь, пользуясь этим, успевает собрать в Казани силы, что вскоре и дадут мятежникам жестокий отпор. А ранение атамана в Синбирске и решает судьбу восстания. Последняя часть книги тоже в стихах и состоит из 15 глав.

ISBN 978-5-44-934613-1

© Савин А.
© Издательские решения

Содержание

ВОЛЬНОМУ – ВОЛЯ	6
Глава 1 В Коломенском	6
Глава 2 Упоение победой	19
Глава 3 Арзамасская дева	78
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Степан Разин. Вольному – воля Историческая повесть в стихах. Часть 3

Анатолий Савин

© Анатолий Савин, 2019

ISBN 978-5-4493-4613-1 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-4612-4

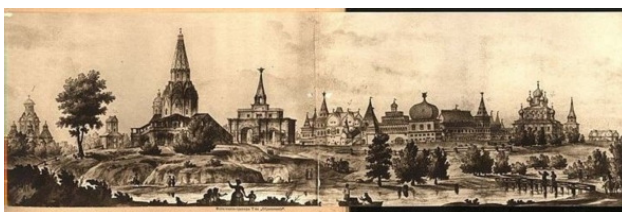
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЛЬНОМУ – ВОЛЯ

Глава 1 В Коломенском

К полудню карета
Подкатила к дворцу
Жарко – разгар лета
Пот струится по лицу

Разболелась поясница
Но, что делать, если надо
Главе стрелецкому явится
К царю для доклада

Князь вышел из кареты
Пока царь на охоте
И бродит по лугам где – то
Само время размяться плоти

Он любуется дворцом
– Сбываются пророчества
Прослыть ему образцом
Дервянного зодчества —

Еще во всю работа кипит
Звенят пилы, стучат топоры
Но ждать недолго до той поры
Когда обретет дивный вид

За морем уже и газеты
Не жалея красного словца
Чуть ли, ни восьмым чудом света
Называют ансамбль дворца

В самом деле – низкий терем
Что лишь для охоты годился

Вдруг, как ни трудно поверить
В чудный замок превратился

Упираясь поначалу
Возводить на задворках дворец
Царь, как уж ни раз, бывало
На то решается, наконец

Лес с Севера повезли
Где трактом, где чисто – полем
Была и царская воля
Дабы гнать из той дали

Из Европы мебель шла
И цветные витражи
Море бронзы и стекла
Наводнило этажи

Помещениям дворца
И большим, и малым
Включая и залы
Казалось, не было конца

Для услады очей
От отделки стен и полов
До росписи потолков
Все учтено до мелочей

И убранство, и интерьер
Здесь на западный манер
И как высокое искусство
Взывают к лучшим чувствам

Стены трапезных и покоев
Кроме росписи цветами
А где орнаментами
Украшаются коврами
Поверх кожаных обоев

Одна роспись на потолке
Изображая небосвод
В современном толке
Всякому, кто войдет
Недвусмысленно дает

Не только насладиться
Но и удивиться
Уподобленью царя солнцу
Детей – звездам, луне – царицу

Дабы не забывали
Об их вселенском начале

Дворец, как бы делится
На два крыла – почти равных
Женское – где живет царица
И мужское – главное
Где царицы половицы

По стародавней традиции
Нравы общения круты
Сам царь навещает царицу
В случае крайней нужды

А из женского крыла
Вовсе никому нет ходу
Греховной сроду
Даже мысль о том была

Во всех покоях иконы
И молеальный зал
И за царским троном
Висят образа

А подле самого трона
С каждой стороны
По льву золочену
И оба заведены

Львы мотают головами
Издавая звук рычащий
Еще сверкают очами
Как настоящие

Царь любит механику
Да так, что уже ни раз
Гостей вгоняет в панику
Искрами из львиных глаз

На Руси для многих внове
Сатанинские главы
И не вмещается в голове
Принять такое за забаву

К слову сказать, и злата
Сколь пошло на этих львов
Могло вполне хватить на врата
И осталось бы на засов

Но царь резвился, как дитя
Когда игрушку «оживлял»
И бояре ворчали шутя
– Государь – то, в детство впал —

Еще во дворце есть бани
Их мыльней называли
Ее готовили заране
Когда царя ожидали

Если из театра придет
Или из спальни царицы
Царю надлежало мыться
Чтоб снять греховный налет

И так всегда бывало
Никто не дивится
Но, в прошлом годе, не стало
Его любимой царицы

И двух сыновей не стало
Алексея и Симеона
Так что теперь пустовало
Гнездо семейного лона

Но вот и всадники
На вороном сам царь
С ним сокольники
Позади собаки и псарь

Царь доволен – молодой кречет
Кого впервые выпускал
Седни доброго зайца взял
За то похвалой отмечен

– А мой ловчий, значит
Ошибался и на сей раз
Уверяя, что кречет
К охоте не готов сейчас

Выходит, царское чутье
Холопьяго – то верней
Поднаторел бы с мое
Был бы мудрей

Да, прежний сокольничий
Дядька Родион Стрешнев
Был и в речах короче
И в оценках безгрешней —

Хованского завидев
Подскакал – Здраве буде, князь
Надеюсь, на мя ни в обиде
Что заставил месить грязь —

Князь низко склонился
– Здраве буде, мой государь
Ехал вот, торопился
Путь, чай, не близок, как ни «жарь» —

Обменявшись словами
Царь к крыльцу поскакал
Где уже с конюхами
Дворецкий поджидал

Крыльцо широченное
Подпирают его свод
Ввысь устремленные
До двухсаженных высот
Дивные, резные колонны
Как скульптуры точены

Красное крыльцо особое
Ослушаться запрета
И подъехать – ничья карета
Ни смела и пробовать

Даже заморского посла
Не пропустят сроду
И он тащит свои чресла
До крыльца пешим ходом

Посла у въездных ворот
Либо окольный встречал
Либо боярин подойдет
Если сам царь привечал

На царе, кроме кафтана
Из тонкого сукна
Шапка с соболями
Сапожки с желтого сафьяна
С гнутыми мысками
И еще один пустяк
Из золотой парчи – кушак

Надо сказать, что и иные
Одеждой мало уступали
Ибо требованья такие

Всем обязательны стали

И сокольники, и псарь
Обряжались по канону
Кой утвердил сам царь
И возвел в ранг закона

И их охотничье платье
Роскошью удивляло
Не уступая нарядом знати
Что за царем скакала

Почти час Хованский ждал
Беседу с дворецким
Наконец, царь его принял
Без помпы, по – простецки

Провел в свой кабинет
С огромными окнами
Высокими потолками
Кои и в Кремле – то нет

Царь бодр – охота удалась
С молодым кречетом
На плечах легкая ферязь
С золотым шитьем
И чудным жемчугом

Пережив за год три утраты
Царь потучнел, раздался
Но еще оставался
Вполне молодцеватым

Став в сорок лет вдовцом
С марта прошлого года
И подвижностью, и лицом
Он был еще хоть куда

Теперь должно время пройти
Дабы решиться, наконец
Забывать одну и повести
Другую жену под венец

Так с царем и было
Через пару лет, ни дале
Русь получила
Уже царицу Наталию

Сели за стол – князь напротив

Устремив на него взор
На спокойной ноте
Царь повел разговор

– Князь Иван, как дорога
Здравы ли боярыня, дети? —
– Государь, слава богу
Осилил путь, чай, в карете
А дома все здоровы
Токмо о тебе вот печемся
Сколь без царицы право
По сию пору остаемся —

– Чаво поделать, князь Иван
Бог дал, бог и взял
Каждому свой срок дан
Кому велик – кому мал

Мы душа в душу с ней
Боле двадцати лет жили
По божьей милости детей
Вон сколь народили
Шестнадцать осилили

Что сказывать, свет в окне
Любимая соколица
Вот кто была мне
Моя Марья – царица

Ладно, буде, кажи где смутьян
Куда подался – вверх, вниз? —
– Вниз в Царицыне атаман
Туда и запорожцы подались

Явились невесть откуда —
– А много с Днепра – то пришло? —
– Дьячок один пишет – покуда
С полтыщи – невелико число

Будто о том сговорились
Еще не пала зима —
– Во, как бы, все не заявились
Их, чай, за Днепром тьма

Не могу ведать княже
Каковы мысли у Рази
Ведь до чаво Дон дожил
На дыбы встать без боязи

Да, на Москву – их кормилица
Осмелиться руку поднять?
А дьяков, царева жильца
Прилюдно смерти предать? —

– Государь, это пол – беды
Но и Лопатина, Разя разбил
У стольника отряд крепким слыл
Из обученных и молодых

Сколь стрельцов с ним сгибли
Ни один не вернулся
Как в омут канули
А злодей и не поперхнулся

Да как дельце обделал
Комар носа ни подточит
Десять стругов средь дня бела
Увел целехонько с сечи —

– Как зарвались нечестивцы
Возомнили бог знать что! —
– Государь, с ним и башкирцы
И еще невесть кто
Язык не повернется
Назвать всех инородцев —

– Да, княже, никак разверзлась
Земная твердь под ногами
С того и поползла мерзость
Змеиными клубками

А что еще отписал дьячок? —
– Государь, пишет – приказных
Кто с города ни утек
Разя топит с камнем у ног
Прилюдно у врат городских

А Тургенева – воеводу
Прямо из постели взял
И в исподнем народу
Как преступника казал

Опосля ставил на колени
И держал так с час, не мене
Но и этого мало
Когда князь стоять изнемог
Он ему голову кинжалом
На глазах у всех отсек —

Царь с князем окстились
Поглядев на образа
– Княже, до чаво докатились
Вор по рукам, ногам связал
Уже поперек Волги встал

По всей Европе, небось
Сие эхом разнеслось
Кака у нас на Руси страсть
Ишь, как бесится Дон
Что и царская власть
Отныне ему ни закон —

– Государь, сказывают
И ляхи оживились
И ордынцы возгордились
Свои мечты связывают
Кои у них не сбылись
В великую смуту
Таперь с Разей почему – то?

Оторопь берет от мысли одной
А что, как Дон отобьется
Однажды от наших рук
И повернет к Москве спиной? —

– Да князь, дали промах
Пустили Стеньку на Дон
Все мекали, может дома
Разбогатеv, утешится он

Помню, как Ордын – Нащокин
Настоял пропустить донцов
И вот, провидца уроки
Кои – в конце концов

Подвело Афанасия чутье
А я ему доверял
Таперь доверие мое
Он надолго потерял —

– Государь, так ужель сразу
Он буде смещен с поста
Главы Посольского приказа? —
– Не знаю, но промашка та
Зачеркивает начисто
Все заслуги его
Что были до того

Проглядел смуту боярин
Казак вокруг пальца обвел
И, вот почитай, как татарин
Сам на Русь – матушку пошел

Пошто злоба – то такая
Сколь крещеных душ
Губит не переставая
Верно, третий год уж

Князь, есть и моя вина тут
Яик – то ему простил
Мекал – опосля Персии плут
Где себя так озолотил
Уймет разбойный зуд
Ан, нет, токмо шибче возбудил

Но Царицын, ни вся Волга
Выше, что ни град, то бастион —
– Государь, истинно так, не долго
По ней разгуляется он

Да и куда вор пойдет
На Яик по тропе старой?
Так Прозоровский учен, и ждет
На развилке у Черна Яра
Другой раз ни пронырнет —

– А, как мекаешь, княже
Ни сподобится ли вор
В запальном раже
На Астрахань кинуть взор? —

– Государь боже, упаси
Чай вор, завсегда вор
Ему нужны просторы, веси
Пошто класть голову под топор
У неприступной крепости
Отколь ноги не унести —

– И то верно, княже
Ордынцы зубы обломали
А персы не суются даже
То ж Астрахань зауважали
Как бастионы увидали

Чай, и Стеньку вразумили
Поди, глянул в прошлом годе

В какой она силе
При грозном – то воеводе

Не токмо войско, но и флот
У Прозоровского под рукой
Один фрегат «Орел» отобьет
Враз охоту на разбой

Но буде о делах, князь Иван
Пора идти к обедне
Владыкой из монастыря зван
Хор певчих на седни

Их пение слушаешь
И как заново народился
Так и тянутся души
Ввысь, где господь поселился

Забывается все мирское
Чем обременен человек
И как – то, само собою
Даже время замедляет бег —

Обедали так же вместе
В трапезной палате
Князю от такой чести
Ни сидится на месте
Того и гляди – удар хватит

Царь, конечно, не знал
С Хованским обедая
Что ко всем прочим бедам
Разин уже Астрахань взял
Но пока еще эти вести
Гонец не успел подвезти

И вот, на царском рундуке
Куда никому нет хода
С царем накоротке
Князь вкушает мед и блюда

Такого еще ни бывало
С ним и в помине
И князя распирало
От радости и гордыни

А ведь когда гонец
С вестью примчался
Гнать к царю во дворец
Князь шибко испугался

Знал, что он, как и весь приказ
Виновен был – видит бог
В том, что в нужный час
Лопатину не помог

Еще в мае указали
Князю, как главе приказа
Чтоб стрельцы время не теряли
А сверху и снизу сразу
Сговорясь – выступали

А что получилось?
Князь с выходом опоздал
И Прозоровский прозевал
Момент, когда Разин напал
Вот задумка и провалилась

Но, слава богу, пронесло
Царь не ищет причины
Почему это произошло
А, значит, долой кручину
И омраченное чело
Встревоженное было
Наконец, сгладило морщины

Отобедав, и с гостем простясь
Царь удалился отдохнуть
Тогда уже наш князь
Стал собираться в путь

Государь нынче устал
Охота да разговор
И потому почивал
Дольше, чем до сих пор

Верно, не всякий знает
Что когда царь почивает
То на подушках возлежит
Полусидя – так он и спит
По семейной традиции
Когда чело не спешит
Кровотоком насладиться

То ли из суеверья
То ли по заветам старым
Но бытует поверье
Что это хранит от удара

Но вот государь встает
Его не спеша одевают
И он на вечерню идет
Где все уже ожидают

Глава 2 Упоение победой

До полудня было тихо
Город взят – вокруг пир горой
Никто не чует близость лиха
Ни пономарь, ни приказной

Не пошло еще гулять
Оно с косой и в маске
Урожай свой собирать
В кровавой пляске

Еще можно встретить дьяка
Озираясь, тот спешит
Скрыться где – нибудь в тиши
От пьяного забияки

Еще некому делить
Горожан на тех и этих
Кому не жить, а кому жить
Поживать на белом свете

Это время не настало
И пока что нова власть
Бочки выкатив, гуляла

От души и всласть

В том же сладком опьяненье
Пребывает и толпа
Мечась в раже, возбужденье
От столпа и до столпа

От двора и до двора
От костра и до костра
От бочки и до бочки
Начиная с ночки

Никто не может поверить
Как сие могло случиться
И повержена столица
Станет шагом к новой эре
Что давно в сердца стучится
А зовется – вольница

И теперь молва пойдет
Отсель с крепостных высот
Вверх, как круги по воде
Вестью будоражить народ
Склонять к бабкиной правде

Нести по бескрайним весям
Людам пищу для ума
Как можно жить без ярма
Не токмо там, на небеси

В некоем загробном рае
Но и здесь, в родном крае
Если спихнуть со своей шеи
Зарвавшихся богатеев

Но вот атаман очнулся
И тут к избе приказной
Как к храму потянулся
За словом люд честной

Стоят, шапки в руках мнут
Кто трезвый, кто хмельной
Но все восторженно ждут
Сладостной минуты той
Когда выйдет их герой

И мужики, и жонки
Мастеровой, торговый люд
Свой, и из дальней сторонки

Кого всегда немало тут

Монахи и миряне
Крещеные, басурмане
Вездесущие купцы
И, конечно же, стрельцы

Покидав наземь бердыши
Нынче служивые отцы
Словно камень, сняв с души
Действу рады как юнцы

Двор полон, стоят впритык
Все ждут – даже шепот исчез
А чтоб разглядеть батьки лик
Кое – кто и на забор влез

Наконец, выходит он
И народ заморожен
Как его точеной статью
Так и заморским платьем

В узорчатом кафтане
Высокий, козырной ворот
Кушак на молодецком стане
Обернут без складок, споро
Что притягивает взоры

Переливом парчовой ткани
Не хуже радуги сияний
За кушаком, как и положено
И сабля, и нож в ножнах

На ногах сапоги
Из алого, что кровь сафьяна
Тут сомневаться не моги
Все видят атамана

На затылке подчеркнуто
Лихо, молодецкато
Шапка набекрень сбита
А поверх сукном обшита
Того ж, как сапоги цвета

Атаман на крыльце встал
Взором толпу охватил
И, переждав, приветствий шквал
Наконец, заговорил

– Други мои, астраханцы
Люд честной, жильцы
Славной, торговой столицы
И вы, служивые стрельцы
Низко кланяюсь вам до земли! —
И он, как встарь, взмахнув рукой
Склонился в пояс пред всеми

– От чистого сердца поклон мой
За то, что сколь ни стращали
А вы, как один стеной
За волю, за правду встали!

Не убоясь, ни воеводы
Ни иноземного сброда
Что «по Европам» собирали
Сих немцев, свейцев и иных
Коим щедро дают чины
Посулы и медали

Забудем же, как страшный сон
Кабальные колоды
Чем люд честной отягощен
Все туже год от года
За то, что нищего он рода

Забудем дьяков, воевод
И прочу алчную свору
Никто таперь к вам не придет
С рукою за побором

Что наработал сам хребтом
Ты в вольном полюшке сохой
Иль как мужик мастеровой
В своей артели цеховой
Смекалкой и, вестимо, потом

Таперь твое, и ни один
Каков бы ни был господин
Не стребует, грозя тюрьмой
С тебя полушки ни одной!

Отныне буде воцарен
Тут праведный закон
Закон вольного братства
Казак знавал сей испокон

Он есмь с древнейших времен
Наша сила и богатство

А так ж надежный заслон
От лихоимства боярства

Отныне вам ни гнуть спины
Пред князем – воеводой
Править учнут старшины
Избранные народом!

Всяк городской квартал
Даст десятников, сотников
Из коих вече иль хурал
Как бы его ни величал
Выберет себе тыщников

А они, избрав старшину
Так же, что и на Дону
С атаманом вместе
Будут аки в старину
Здесь править, честь по чести

Други мои, со мною бог
И дело мое божье!
Кто, как ни он мне помог
Без боя занять подножье

Заячьего бугра
А ведь велика эскадра
Под рукой у воеводы
И князь знает сии воды

Но господь загнал его флот
Однако ж в протоку
В малую – то реку
Мелью загородив «Орлу» ход
Где тот и застрял, без толку
Как пень, ни взад – ни вперед

А кто выкатил ярило?
В кромешну – то непогоду
Что всем и возвестило
О часе моего прихода

Разве это ни чудо?
Вот сила моя откуда
Так что вставайте смело
За наше правое дело
Тогда без божьей помощи
И вам не остаться други! —

Слышны крики – Мы с тобой
Батька мы с тобой
А воеводу долой
Попил не мене, чем татарин
Нашей кровушки боярин! —

Лица людей сияли
Как на праздник престольный
Они теперь люд вольный
Потому и шапки взмывали
Чуть ли ни до колокольни

Когда народ поостыл
Атаман продолжил
– А таперь всем зачищать град
От погани, нечистой силы
Кто в ваших бедах виноват
Всех вздеть на вилы

Так же ищите, ловите
И сподручных – одно семя
Кончилось их время
Безжалостно рвите

Паучьи вековые нити
Что рядятся под узоры
А на самом деле сети
Того ж боярина – вора

Кому не живется на свете
Без угнетенья и побора
Ибо трудом – то праведным
Не нажить палат каменных

А когда спихнете за тын
Их последнего дьячка
Вам и буде моя отмашка
В граде ставить старшин
Но уже, ни с кондачка
А расчетливо, не торопясь
Как подбирал себе служак князь —

Толпа чужа, что настало
Время для расправы
Майдан спешно покидала
Растекаясь гневной лавой
Кто налево, кто направо

И все, что пришлось повидать

В Камышине, Царицыне
Толпа кинулась повторять
С тем же азартом в лицах

Вспомнив слово Львову данное
Батька тут же приказал
Казакам взять под охрану
Терем, где тот проживал

В это время, как раз
В мятежном раже
Толпа к князю подалась
Но наткнулась на стражу

Удивившись казакам
Охранявшим Львова
И, опешив, слегка там
Глядя на их лица суровы
Тем, что князь ни по зубам

Толпа развернулась вскоре
И, ведомая, чутьем
Что с властью не спорят
Подалась в соседний дом

Где уже трещат запоры
Слышны вопли, крики, стон
Это дьяка, словно вора
Облепив со всех сторон
Потащили на суд скорый

Но пока тянули тело
Главой вниз, и проклинали
Душа дьяка отлетела
В небесные дали

И главному воеводе
Той участи не избежать
Сначала не знали вроде
Даже где его искать

Бегали туда – сюда
Нигде нет – вот ведь беда
То в Троицкий храм
То домой в терем
Что неподалеку там
Пока не объявился сам

Князя схватили, конечно

Поволокли на колокольню
Откуда вольно ли, невольню
Он и свалился сердешный
Вот так главный воевода
И закончил свои годы

Но этого толпе мало
И найдя старшего сына
В постели под одеялом
Потащила его к тыну

– За ребро – слышны крики
– За ребро сажай на крюк
Неча с ним мешкать тут! —
И, подняв, с боков на пики
Коль уж зело не досуг
Стрельцам вешать подают

А вот подъячего ведут
Его поп сопровождает
На ходу грехи отпускает
Ни до церемоний и тут

Подвели – плачет, икает
Средних лет, по пояс гол
Этого поджидает
Свежеструганный кол

– Ироды – вопиет поп
– Секите главу изуверы
Ни мучился чтоб
Чай, православной веры —

Голос – Поп, буде верещать
Гляньте, заступник кой
И те кола ни миновать
Еще придем за тобой! —

Поп подняв полы рясы
Припустился бежать прочь
– Это днем – то распоясались
А чаво буде в ночь —

Только часа через три
Батька на место казней пришел
Везде куда ни смотри
Рубят главы, сажают на кол
Вешают – кого на частокол
А кого на фонари

Вопли, крики, стон
Несутся со всех сторон
Окровавленную плоть
Складывают на телеги
И везут на бреги
Окрашивать речную водь

В местах, где глуше
Попы, угрозы презрев
Отпевают нараспев
Тела, отдавших богу души
Еще и ходят с кадиллом
Кому мужества хватило

Но вот толпа завопила
От восторга – Ба! Попался плут
Прозоровского – брата ведут
Самого князя Михаила —

Без кафтана – рубаха
Сзади дыбится на ветру
Уже готова и плаха
Стрелец тянется к топору
Остается чуть до взмаха

Но, князь, в ту ж минуту
Атамана увидал
– Вот, кто жизнь его так круто
В одночасье поломал

Кто покрыл его позором
На всю волжску сторону
Объявив когда – то вором
Посягнувшим на княжну

Перед ним тот смерд – воитель
Взявший верх по воле случая
И таперь, как победитель
Может миловать и мучить —

И тогда, в мгновенье ока
Спрыгнув вниз, в победном кличе
Он с ножом летит как сокол
На желанную добычу

Атаман не ожидает
Но чутье быть начеку
И на этот раз спасает

Жизнь как прежде казаку

Вперед выставив кулак
Он закрыл путь мести
Лишь едва задел тесак
Руку выше кисти

Сбив на землю Михаила
Что взбешенную овцу
Он швырнул его к настилу
Ожидавшему стрельцу

И когда блеснул топор
У того над ухом
Перестал дышать с тех пор
Молодой князь – ухарь

Солнце клонится на вечер
Ужель бойней град ни сыт?
Запах крови человеческой
Стойко в воздухе висит

Следы расправы во дворах
На улицах и переулках
Что, конечно, эхом гулким

Скрикошетивши от плах

Только множат липкий страх
Заползающий под ворот
И кафтанов, и рубах
Тем кто, сидя в погребях
Не успел покинуть город

Заработала машина
Злость и ненависть – мотор
И на плахах рубят чинно
Иногда и без причины
Всех кого берет топор
Не затупившись до сих пор
Лишь за то, что их личина
Подошла под уговор
И кого уж люд честной
Простер ниц перед собой

В это время из ворот
В клобуке и черной рясе
К месту лобному идет
Сам митрополит Иосиф

В руке посох, шаг короткий
Ноги еле волочит
Взор поникший, вялый, кроткий
О смиренье говорит

За ним, словно изваянья
С мраморными ликами
И тоской в очах великой
Тоже в скромных одеяньях
Святые шефствуют отцы
Из Успения и Троицы

Их с десятков и не боле
Остальные без затей
Попрятались в подполье
Дождаться лучших дней

Расступаясь у настила
Многие в толпе ворчат
– Небось, князя Михаила
Отпевать спешат? —

И ведь, верно, угадали
Цель высокого визита
Долго, явно нарочито

Отделив от всех убитых
Попы князя отпевали

Может быть, и потому
Что брата не успели
Заодно, зная, и тому
В небесные купели
Теперь псалмы летели

Едва успели их отпеть
К владыке идет атаман
– Святой отец, аль тошно зреть
На расхристанный майдан?

Аль народ в том виноват
Что боярские сыны
Беззаконие творят
Грабя всех и вся подряд
Чтоб набить себе мошны?

Аль мало кровушки
Попили на веку
Где преклонить головушку
Кабальному мужику?

По рукам, ногам повязан
Куды бечь, где те законы
Что образумят князя
С алчностью бездонной

Где суды праведны, владыка
Кто защитит бедняка?
Везде боярин натыкал
Своих – от писарька до дьячка
Повсюду его рука

Так что ни взыщи
И виноватых ни ищи
Ибо зришь ты, владыка
Здесь стихию велику

Что зовется, народна мечь
А слышишь, крик души, как есть
Боярин хватит, изыди
Сколь жить в вековой обиде?

Вот, токмо так, святой отец
На сие и надо взирать
Глянь, здесь – простой люд, стрелец

Все вышли Астрахань зачищать

От вековой плесени, гнили
Чем воистину наследили
Людишки барского рода
Из той зарвавшейся нечисти
Что, будучи не в чести
У простого народа
Но по воле боярина
Злодея хлеще татарина

Посажены здесь на годы
Чтоб, отгородясь от всех глухой
Непробиваемой стеной
Бесправья, мздоимства, блуда
Гнуть свое дело – год за годом
Гнобить где сумой, где тюрьмой
Все тот же люд честной! —

Архипастырь молчит
Он устал, и уж по горло сыт
И тем, что повидал в ночи
Когда стрельцы как бесы

Запрыгнув на кровавый пир
Не выпуская из квартир
Резали аки ягнят
Всех иноземцев подряд
И рейтаров, и солдат

При свете факелов, свечей
Мелькали злобных лиц гримасы
Стрельцов, а ныне палачей
Кто, наконец, дождался часа
Открыть охоту на людей

А когда еще услышал
Как сотник в раже прокричал
– Стрельцы, наш час настал
Секите рейтаров с плеча

Бейте, свейца и немчина
Айда, под батьку – атамана
Сколь мириться нам с кручиной
Быть под пятою у поганых? —

Тогда владыка и понял
Что у стрельцов все решено
И те, в заложниках давно

Кого долг на стены гонит
А сейчас порублен стонет

Понял, как бывал наивен
Когда думал, что казна
Стрельцов сделает счастливей
Враз на долги времена

Но монастырская медь
Что шла от чистого сердца
Едва успев отзвенеть
Сгодилась лишь кровь разогреть
Да обозлить стрельца

Разгадав сие по лицам
Щедро сдобренным зельем
Митрополит ушел молиться
Тогда в тихую келью

Где святой отче
В великом смирении
И провел остаток ночи
Встав на колени

Но пока владыка молчал
А атаман восклицал
К ним «под хмельком», казаки
Гурьбой подошли
Возбуждены их лики
– Батька, а пошто как пауки
Попы в щели заползли

Днем с огнем, окромя этих
По церквам не встретить
Побросали алтари
Почитай, что с зари

Глянь, все разбежались ведь
Тогда ты команду давай
Охочих – то венчают пущай
Сколь же можа нам говеть? —

Атаман спохватился
– А, что, верно, святой отец
Я обещал, кто истомился
И еще ни обженился
Всех спровадить под венец
Будь то казак или стрелец
Да и вдовых жонок, поди

Таперь хоть пруд – пруди —

Тут уж владыка вскипел
Так гнев его обуял
Что даже посох поднял
– Ишь, чаво захотел
Атаман – буян
Побойся бога человеке
Сделай передых
Иль мало людей изувечил?
Так вот вздумал калечить
Души женок честных

Ещо не остыли тела
Тех, кто был им муж иль отец
А, ты хошь, чтоб она шла
С убивцем под венец

Ни девять, ни сорок ден
Ещо господь ни отмерил
Чай, сам крещен
Не уподобляйся зверю! —

– Нет уж, по – твоему ни быть
Не уговоришь, святой отец
Завтра же всю боярску сыть
Их жонок, дев – всех под венец
Самолично буду женить

И чтобы соборы
Церкви и часовни
Утром открылись споро
Отныне мы все ровня

Так что ступайте, святы отцы
Покуда гнев людской не настиг
А завтра с утрецы
Чтоб были на местах как штык —

Голос – Батька, не отпускай их
А вдруг забьются в щели
А свадьба без отцов святых
Все одно, что мед без хмеля! —

– И то, верно, владыка
Ты ступай, стар и немощен
А у этих крепки мощи
Вижу по лощеным ликам

Вот их в часовню отвести
Святого Кирилла
И там до утра блюсти
Дабы, как всех, ни сморила
Вдруг нечистая сила! —

Священники оторопели
Но делать нечего
И как зело ни хотели
Почивать в своей постели
Благо дело шло к вечеру
Пошли, чуть ли ни с воем
Под казачьим конвоем

Всю ночь велись казни
Головы рубили
Вешали, сажали на кол
А чтоб по разнообразней
Было – еще и топили
Отводя несчастных на мол

К утру согласно приказам
Что от батьки исходили
Очистили и отмыли
От останков и крови сразу
Чтоб не разносить заразу
Все помосты и настилы
Где это происходило

И с утренней молитвы
Заметить, в храмах успев
Дворянских жонок и дев
Их, словно к полю битвы
Тащат силком на майдан
Как указал атаман

Где велено духовенству
Почитай, с ранья
Приступать к действию
Массового венчанья

Тут на самом людном месте
У храма святой Троицы
Каждая станет невестой
Казака или стрельца

По задумке атамана
Любая дева или жонка
Если кому желанна

Отводилась в сторонку

Ее же согласия никто
Не думает и спрашивать
– Неча обиды вынашивать
Коль батьки воля на то! —

Затем под руки касанье
Расходились по церквям
Где приняв обряд венчанья
Раздавались новым мужьям

Враз площадь запестрела
Диковинными парами
Потянулись на действие смело
Молодые со старыми

Вот стрелец, вьюнош озорной
Годовальник никак
Идет под руку с женой
А вчера еще вдовой
Сгинул отец ее детей – дьяк
Так и не узнал бедняга
Где и чем прогневил бога
И за что с ним случилось так

Ей, сердешной, уже под сорок
И до свадьбы ли?
Но грозя позором
Насильно сюда привели

Так вдове и сказали
За отказ под венец идти
Ее бы наказали
Двадцатью плетьюми

Долго их протопоп
Не хотел венчать
Но как тут поступать
Коль пистоль нацелен в лоб?

А, таких, кто с гордынью
И насильно не венчал
В сих храмах отныне
Никто боле не встречал
Да и в граде не видал

Целый день как пчелки
От зари и до зари

Трудились без умолка
Священники и алтари

Задействованы все храмы
Ведь пар – то ни перечесть
И соборные самые
И часовни, какие есть
Все отданы по их честь

Колоколов перезвоны
И Бела града, и Кремля
Друг другу внемля
Скликаются упоенно

И горожане дивятся
Откуда сей пожар
Враз спохватилась венчаться
Да ни одна сотня пар

И только архиерей
Закрывшись в келье
Молясь под перезвон церковей
Причитал с болью

– О! боже, так доколе
Сносить нам окаянну долю?
Ишь, чаво удумал злодей
Сгубив достойнейших мужей
Ещо и щедро сыпет солью
На раны их жен и детей —
Господь с небесных высей
Наверно, ему внимал
Но вряд ли совета давал?

С утра, крутятся как заводной
Батька сейчас в приказной
Зашел поесть, нужны силы
Рядом с ним Лазарь и Ус
Входит Данила Билый
– Батька, боюсь

Пустое затеяли дело
Как – то ни по – божьи
Ещо ни все в могилах
Да и у попов рожи
Будто перекосило —

– Ничаво, Данила
Перебыются, никак

Зато люд честной, бедняк
Чует, какая мы сила

Хватит святым отцам
Под бояр стелиться
А сей грех бог простит нам
Пущай народ веселится

Ибо наш сиюминутный
Ни сравним, ни с коих пор
С вековой, беспутной
Греховностью боярских свор

Вот, где грех, так грех
А что церковный клир
Увещевал кого из тех
Кто под себя подмял весь мир?

Заставил ли кого – нибудь
Ни помню сего от века
На простолюдина взглянуть
Ни как на чернь, чтоб пнуть
А как на человека?

Вот так, Данила, а твои
Сподобились венчаться? —
– Нет, батька, казаки мои
Домой хотят податься

И кони, чай, заждались
Они же на том берегу
Так бедняги и остались
Мы тогда распрягались
Почитай, что на бегу

Как ты глядишь на это?
Чем могли – помогли
Где делом, где советом
До моря бок обок шли —

– Добре Данила, ни неволю
Можешь ворочаться
Но допрежь, чем прощаться
Получишь свою долю —

– Каку долю, батька – атаман!
Мы не корысти ради
Гнали к тебе сквозь дождь, туман
Ни на что не глядя

А рвались помочь в борьбе
Своим братьям по крови
Что ни мне, ни тебе
Давно не внове! —

– Верно, кажешь Данила
Чую, и по сей час
Земля еще ни взрастила
Нам братьев надежней вас

Посему, как брат с братом
Провожая отряд удалой
Я серебром и златом
Все ж поделюсь с тобой

Вот разберем сундуки
Бутлера, свейцев и прочих
Что притащили казаки
Еще прошлой ночью

Это и буде братской казне
Кой ни кой, а посыл от нас
Ибо и в вашей стороне
Несладко сейчас —

– Добре, батька, так и быть
Коль идет от сердца
Как ни взять – казну укрепить
И нам само время сгодится! —

– Тогда ступай Данила
Оповести своих
Небось, душа просила
Давно об этом их

А завтра до полудня
На стругах, взяв разбег
С помощью господней
Уйдете на тот брег —

Данила вышел только
Как Лазарь произнес
– Батька, а знаешь Бутлер сколько
Один в казну принес

Не знал и я, покуда
Его сундук вез в лодке
А взвесил самородки

Так золото в них, с пол – пуда

Да золотые монеты
Что в железной банке
Их штук с пятьсот где – то
И все царской чеканки

А уж серебра – ни меряно
И в слитках, и монетах
Вишь, как царь платил мерину
В адмиральских эполетах

И за что ведь, атаман?
Голландец ни разу с «Орла»
Ни пальнул даже в туман
Вот такие брат дела —

– А в других сундуках
Много ль еще добра? —
– Батька, все в наших руках
Разберем до утра —

Выпив по чаре вина
Атаман с Усом ушли
А Лазарю команда дана
Все описать, что принесли

Они вышли на майдан
К монастырю св. Троицы
Снуют толпы горожан
У всех радостные лица
Тут казаки и стрельцы
Кто сам пришел жениться
А кто на свадьбу зван

И не только славяне
Но и индусы, басурмане
И прочие инородцы
Кого сюда торговля манит
Кремлевской крепости зубцы
А так же и дворцы
Белокаменных строений
Храмов Троицы и Успения

Посадские прут, конечно
С ворот Пречистенских
Слободские – половцы, татары
По привычке старой
Прут из ворот внешних

Вот бы глянуть на это
С небесной высоты
Птичьего полета
Знавала ли Астрахань, ты
Таких толп водовороты?

Пережив за две ночи
Столь казней, что ни сосчитать
Теперь город мира хочет
Простым чувствам волю дать

Все ворота нараспашку
От кого теперь их бдить
Пречистенские, Красные
Батька сам дает отмашку
– И Никольские открыть
Слава богу, денек ясный
В Кремле дух бы обновить —

И ведь, верно, ветерок
Подувший с Кутума
Быстро развеять смог
Следы кровавого бума

Все, как водится, проходит
И, позабыв, былой испуг
Люд радуются свободе
Накатившейся вдруг

Да и как же иначе
Такого не видывал свет
Ни дьяков тебе, ни подьячих
Ни воевод боле нет

А есть батька – атаман
Заступник народный
Един для крещеных славян
И для всех басурман
Волжских, прочих – каких угодно

И потому распирает
От гордости басурманина
– Батька – то, равно привечает
И своего, и татарина
И калмыка, и половца
И лезгина, и башкирца —

И где батька – там толпа

Ликует до беспамятства
Все хотят постоять у столпа
И воли, и равенства

Мог ли какой воевода
Коиx было ни сосчитать
О такой любви народа
Когда – нибудь даже мечтать?

Ни к батьке ли кой год
Из заволжских лесов, болот
Дремучих и непролазных
Схронов, речушек разных

Валит народ – идет, плывет
Забираясь в лодки, на плот?
Заболев, как чумой заразной
Слухом как – о, боже, правый
Легко он волюшку раздает
Всем налево и направо

– И что батька ни дразнит
Обещая вечный праздник
Не в высях – черни и голи
Как учат с амвона
Со времен она
А на земле вкупе с волей

Разве это ни чудо?
И все сбывается покуда
Ни на промысел ли божий
Взятие Астрахани похоже?
И теперь на победной волне
Он тем боле – им свет в окне —

Но вернемся на майдан
Походив от врат до врат
Послушав, что говорят
Ус и атаман
Видят – успокоился град

Принял перемены
Про казни забыли
Ибо все бренны
А тех, кого казнили
Верно, ни зело и чтили

Убедившись еще раз
Что святые отцы при деле

И исполняют приказ
Венчать всех – кои захотели

Батька долго бродить ни стал
И вернулся к приказной
Ошеломленный толпой
И от криков восторга устав

А Усу дал задание
Чтоб к Львову заглянул
И со всем старанием
Проверил там караул

Лазарь заканчивал опись
Содержимого сундуков
– Батька, ужель Европе
Не достает самородков?

Не токмо у капитана
У любого сундук открой
И, хоть малый, с таракана
Но есть самородок златой

Ужель слитки скупали
Иноземцы здесь где – то
Ведь жалованье получали
Они токмо монетой —

– Похоже так, Лазарь
Покамест царю служили
Верно, их черги носили
По весям, тропам да лазам

Ладно, какого рожна
Гадать, кого и где носило
Главное, что наша казна
Не тает, а берет силу

А Прозоровского сундук
Помнишь – был кой огромный?
Даже наш отборный жемчуг
Что он проглотил, как мзду
Пал там подачкой скромной —

– А как же, батька помню!
Я тогда с тобой был
Токмо пока никто мне
Его не приносил —

– Погодь, ещо принесут
Не нашли – всяко, может быть
Жаль вот не успел суд
Над ним учинить

Как – то ни до того было
Астрахань, чай, громадна
Когда толпа князя тащила
Прозевал я, а досадно

Хотелось бы спросить
За мздоимство с воеводы
Да и сундук свой утаить
При мне не посмел бы сроду —

В это время входит Ус
– Батька, все честь по чести
Караул на месте
Ждет приказа из твоих уст —

– А что в тереме князь
Как здрав ли он? —
– Вроде видали вчерась
Глядел из окон —

– Надо бы к нему сходить
Вот проводим Данилу
И учнем люд тормошить
Выбирать властную силу

Из самой народной гущи
Сперва – сотников, тыщников
А после, и куда пуще
Старшин – из тех избранников

О чем ни мекали сроду
Здесь ни славяне, ни прочие
Может в том князь – воевода
Нам и помочь захочет —

– Ты чаво батька! – вспылил Ус
Аль забыл, что люду волю дал
Не поймут тебя, боюсь
От кого же их спасал?

Или князь Львов испечен
Из другого теста
Что ты его, как невесту
Обхаживаешь со всех сторон? —

– Добре Ус, уговорил
Князь нам ни помога
Но стрельцов он приструнил
Когда надо – слава богу
И тем, град взять подсобил
Я все помню, и ты давай
Этого не забывай —

– Да батька, казать забыл
Когда стал ворочаться
Видал, как сотник тащил
Воеводшу силком венчаться

Часы, как раз, семь пробили
Боярыня упиралась зело
Кудахтала, кика слетела
Чуется – баба в силе

Машет руками
Колотит его по темени
Добре, ещо был со стрельцами
И, надо казать, ко времени

Хотя церковь опустела
Протопоп вернулся обрат
И когда чуть присмирела
Все – таки завершил обряд

Так что батька – попы
Твою волю свято чтут
А уж радостей толпы
И ни пересказать тут —

Наконец, в разговор
Лазарь захотел вступить
– Батька, а был ли уговор
Когда Билому уходить?

Боюсь, отпущать его рано
Низ наш, но выше враг таится
А с ним уйдет и охрана
Черна Яра и Царицына —

– Буде Лазарь, чаво бояться
Мы сильны, как никогда
Кто станет сюда соваться
Глянь, каки у нас суда
Один «Орел» скольких стоит

Десять стругов враз «умоет»
Можно казать без труда

А по сроку нет уговора
Запорожцы шли помочь
И были бы до упора
Сражаясь и день, и ночь

Но с божьей помощью
Астрахань пала
И неча гневить бога
Держать под своим порогом
У них дома хлопот немало

Токмо от одних отобьются
Как тут же турки, ляхи
Да татарва вновь на их шляхе
Как осы вьются
Все кровушки ни напьются

Вертаются пуццай
Я крепко на Волге встал
Так что злато отдай
Как и обещал

Пошто нам деньгу копить
Чай, ни купцы
Будем волей и правдой жить
Аки деды и отцы —

Утром, чуть забрезжил свет
Запорожцев провожали
Горожане набежали
Кого здесь только нет

И русоволосы славяне
И черные африканцы
И индусы, и армяне
И персы, и бухарцы
И китайцы, и малайцы
И прочие инородцы
Всех ростов и возрастов
И молодые, и старцы

Пока отплывали
Запорожцы с удивленьем
Со стругов наблюдали
За невиданным явленьем
Что доселе не знавали

Как многоязычный
Разноликий, торговый град
К переменам необычным
Развернуться всем сердцем рад

Потому так провожают
Что нову – то власть чтут
Где атаман обещает
Отныне никому тут
Не ведать кабальных пут

И уже к большим Исадам
Потянулись подводы
Рынок ожил – ведь не надо
За возы в кои – то годы

Теперь давать ни мзды
Воротным стрельцам
Ни посулов в угоду
Дьякам и воеводам
И иного чина лицам

Аж у Данилы запала
В сердце щемящая тоска
Какой давно не бывало
– Вот времечко настало
Сбылось то у вожака
О чем Кравчина мечтала
Во все времена от века —

Только запорожцы отбыли
Враз погода повеселела
Тучи на север уплыли
Солнце выкатилось смело

А ветры южные подули
Из заморской стороны
И пора – хотя б в июле
Можно скинуть зипуны
А кому и шушуны

Атаман по той причине
Приказал ставить шатер
Надоело на перине
Почивать тут с неких пор

– Это дьякам да подьячим
Может быть и благодать

А пошто чреслам казачьим
К сим манерам привыкать —

Шатер поставили ему
Где и был давно загад
Поближе к Кутуму
Напротив Красных врат

Лазарь остался с ним
Они всегда – «ни разлей вода»
Кто еще щитом живым
Защитит – случись беда

И себе он этот промах
Еще долго ни простит
Когда мезтью князь ведомый
Едва батьку ни настиг

Так впервые за все время
К атаману не поспел
До сих пор его пред всеми
Стыд терзал, что проглядел

Правда рана затихает
И вот – вот уж заживет
Только Лазарь все страдает
И обида сердце жжет

Но теперь ему наука
Чтоб и дале батьку бдить
Мало в схватках набить руку
Глаз наметан должен быть
Чтоб врага опередить

Едва поставили шатер
Как повалил городской люд
Начать с батькой разговор
О переменах, что их ждут

Теперь у всех он на виду
Открыт для каждого
Сколь же можно на ходу
Утолять общенья жажду

А за ними к атаману
За городской тын
Потянулись «капитаны»
Заморских торговых общин

Кого здесь только нет
Почитай, весь белый свет
И индийские «раджи»
И египетски «фараоны»
Пусть самозванцы, но оным
В чужом краю надлежит
И торговать, и жить
По общинным законам

Вот в халатах длинных
Китайцы – «мандарины»
Вершат миссию свою
Верно, не мене благочинно
Чем у себя в родном краю

И прочие – князьки, царьки
Кто, прибыв из такой дали
Ставят здесь ряды, ларьки
Подогнав свои навыки
Под русские реалии

И, хотя, они лишь подобия
Властителей далеких стран
Но их «благородиям»
Льстит и этот сан

Толпясь гурьбой у входа
В национальных одеяньях
Они и тут глас народа
С его чаяниями

Кто – то с толмачами
А кто русский язык
Ни в одном поколенье постиг
И знает, как мы с вами

Но вот выходит Лазарь
Толпа затихает, ждет
Он зрит, сколь хватает глаза
Колонну от шатра до ворот

– Вот соскучиться не успели
Как казаков провожали
А, гляди, опять набежали
Будто ни виделись неделю —

Лазарь буркнул – Впрямь, жажда —
И, одернув полог, спросил
– Батька, народ повалил

А хватит ли у тя сил
Потолковать с каждым? —

– Что делать Лазарь – на все иду
Живое слово до людей
Доносит нашу правду
Куда скорей, чем слых о ней

И потом, одно дело
Зазывать толпу к крыльцу
А другое – по душам смело
Толковать лицо к лицу
О чем наболело —

– Да, батька, те ни откажешь
В уменье убеждать народ
Помню, как сам Иосиф даже
Заслушивался, открыв рот —

– Ладно Лазарь, впускай людей
Сызнова буду объяснять
Как им жизнь начинать
Нову, вольну – без князей
Да господских козней —

И все встало «на круги своя»
Пока ни пали наземь росы
На батьку сыпались вопросы
О праведности бытия

Что задумал и почему
Он хочет мир перекроить
– И, правда ли, господь ему
Портным тем доверяет быть? —

И батька им до самой теми
Все толковал и толковал
О том, что кончилось тех время
Кто люд веками мордовал

– И что боярин ни от бога
Коль сел на шею мужику
Ни зря господь забил тревогу
Дабы уже на их веку

Снять с бедняцкого горба
В овечьей шкуре волка
А Иерихонская труба
Не буде чай, без толку

Трубить надрывно, и так долго
У власть, держащего столпа

Так что основы их хором
Не вечны – токмо пни
И свалятся под натиском
Бог даст, за считанные дни —

И люди истово молились
На батькины иконки
Что подле разместились
На столике в сторонке

Он всегда их брал с собой
Когда сходил со струга
Что спасало от недуга
И от пули заговорной
Равно, как и от шальной

И лишь «раджи» да «фараоны»
Что, верно, со времен она
Здесь значатся годами
Своих общин столпами
Качают головами
И потому хотят узнать
– А их не будет изгонять? —

Когда до батьки доводили
Заморские тревоги
Он кивал – Живите, как жили
Покуда и ваши боги
Не встанут так же за убогих —

И те, качая головой
Стремясь постичь, что сие значит
Еще долго потом судачат
С тревогой меж собой

– Да, удивительна страна
Их приютила когда – то
Ни токмо сказочно богата
Но и вольнодумства полна —

С тех пор, так и засело
В иноземных умах
Что батькам сим не ведом страх
Ибо, как боги, сильны зело

Расходились все поздно

Но как, ни темен час
А надо исполнять приказ
Атамана грозного

– Чтоб до полудня, аврально
В спешном порядке
Разделиться поквартально
На сотни и десятки

А сотников переписать
Поименно к вечеру
Дабы потом утверждать
Народным сходом иль вече —

Зачем такая спешка
Никто спросить не смеет
Но коль ставит сии вешки
Значит, батьке виднее

Чуть свет забрезжил, а на ногах
Уже весь вольный город
Событие, что грядет скоро
Ни вмещается в умах

Теперь, как батька указал
Решает все народный сход
Кому он вече, кому – хурал
Но отныне простой народ
Сам в граде власть берет

Батька долго ни мудрил
И прообразом правленья
Выбрал круг, что сердцу мил
Ему был с рожденья

Но на волне счастливой
Попадут в круг без затей
И славяне, что ни диво
И басурмане всех мастей

А, значит, их «царьки»
«Фараоны» и прочие
С легкой батьки руки
Станут еще везучее

Никогда с начала века
Такого здесь ни бывало
Чтоб чужого человека
Астрахань так привечала

Что и во власть избирала

А, значит, прошлое все
По задумке атамана
Скоро отживет свое
И град очистится от кланов

А пока еще в кварталах
Собирается народ
Выбрать сотников сначала
На общегородской сход

Самое первое звено
Во властной цепочке
Но, как видно, и оно
Затянулось до ночи

Помешала суета
Людская страсть кипела
Да и старая власть – то
Клановая хунта
Открытости ни терпела
И новизны ни хотела

Но это еще не беда
И на местах дали сотников
Тут пришло время, когда
Надо избрать тыщников

А сие часто, не по силам
Для одного квартала
И тут, как ни раз, бывало
Коса на камень находила
Что, конечно, и доводило

Горожан до настоящих драк
Да по несколько дней
Но можно понять забияк
Ведь старается – то всяк
Как лучше для общины своей

Потому и бушуют страсти
В басурманских кварталах
В круг – венец здешней власти
Попасть желающих немало

Шла вторая неделя
А круг, так и не избрали
Такой канители

В шатре не ожидали

– Но что поделатъ – молвит Лазарь
– Батъка, нельзя их неволить
А кто вот так, сразу
Привыкает к воле?

Да и где видано это
Чтоб люд разных религий
Со всех концов света
Сам кроил власти вериги?
Ясно дело, такой сыр – бор
Не пройдет без драк и ссор —

– Батъка, балуем их – встрял Ус
И так воли ни переварить
Как бы басурманин, боюсь
На равных не захотел быть

Зри, как бы сие ни удумал
Но круг – им, ни хурал, ни вече
Ни городская дума
И ставить их вровень неча

Круг – был и есть казачий сход
В нем донской дух должен быть
А разноплеменный сброд
Годится токмо подсобить

Аль, не видишь, боле недели
Что рыбы в сетях бьются
А тыщников, как хотели
В граде не дождутся

А там и старшин надо
Сколь подыскивать будем?
Боюсь – с ними нет сладу
Сатанеют от воли люди —

– Ладно Василий, ни каркай
А то от тя веет погостом
Легко, чай, махать киркой
А править градом не просто

И, верно, Лазарь заметил
После неволи вековой
Люди ушли, как малы дети
В нову жизнь с головой

Так что, нехай учатся
Соборному бытию
И все у них получится
К нашему отплытию —

– Батька, а когда уходим? —
– Да хотелось бы ни тянуть
Но покамест вроде
Нам рановато в путь

Вот отдохнем, залечим раны
Изберем старшин, круг
А потом и атамана
Пройдет и восторг, и испуг
Что бередит души равно
И уйдем отсель славно

И тогда учнет народ
Забыв дрязги, распри, казни
Уже без всякой боязни
Новой, вольной жизни отсчет
Что буде всем, как праздник —

– Твоими устами пить бы мед
Аль, забыл, что боярска Москва
Нас, как ворон крови ждет
И готовит адски жернова
Чтоб зараз перемолоть
Нашу вольну казачью плоть

Нет, батька, ни с того начал ты
Засосут тя, как болото
Твои вселенские мечты
Дать волю всем и с лета

Пошто, пока идет война
Нам здесь старшины и круг?
Власть атаманская нужна
И пять сотен пар казачьих рук
У кого крепок донской дух
Где один идет за двух

А сильна ли казачья рать?
Что басурманской шелухой
Уже начала обрастать
Как ракушками струг боевой

Аль забыл – Астрахань, Царицын
Ещо далеко ни вся Волга

И почивать тут не годится
Впереди – то путь долгий

Ты же сам бачил ни раз
Что время дороже денег
Чаво ждать – долой все с глаз
Не до сих забот сейчас
Назначь кого – любой бездельник
Займется тем после нас

И так потеряли неделю
Ставь атамана и пошли
Нам далеко еще до цели
И по воде, и по пыли —

Тут уж и Лазарь встрял
– Батька, и впрямь, время не ждет
И что есаул казал
Право – ни в бровь, а в глаз бьет

Нельзя люд неволить с кругом
Но и сиднем сидеть неча
Тем паче, что уйма вече
Уже созданы в округе

Надо к Саратову идти
И дале на Средню Волгу
А то мы тут, как взаперти
Всерьез и надолго
В сих хлопотах, да делах
Путаемся, что в шелках! —

Батька хмур, ссутулив плечи
Молчит, как воды набрал в рот
– Ишь, научились толкать речи
А ни он ли учитель тот?

Но в ответ казать нечего
Да он терпеливо ждет
Когда сподобиться народ
Сам себе избрать вече
Без чьей либо подачи
Пошто Ус в толк ни возьмет
Что токмо тогда люд и учнет
Волю воспринимать иначе

Ладно, Ус – на него похоже
Но, как Лазарь не поймет
Сколь и батьку сиденье гложет

То раздражает, то тревожит
То вмешаться зовет

Даже вина в рот ни берет
В кои – то веки он ни пьет —
И ничто им не подскажет
Что все это неспроста
Ни каприз, ни прихоть даже
А заветная мечта
Дать такую волю люду
Чтоб никто ни смел мешать
В градах и весях – всюду
По душе власть выбирать

Посему с таким терпеньем
Словно божью благодать
Он и буде появления
Первой ласточки той ждать —

И батька, сжав покрепче скулы
Обидный проглотив укор
Тем и закончил разговор
Со своими есаулами

Ус ушел, оба молчат
Каждый думает о своем
Слышно, как петухи кричат
Жизнь в граде бьет ключом

– Ладно Лазарь, давай гульнем
Послушаем обедню
Да и к князю зайдем
Чаво – то снился седни

А как, еще охрана
Бдит у терема врата? —
– Бдит, тобой же ставлена
Тобой и должна быть снята —

– Добре, сниму стражу ту
Застоялась не то
Таперь уж вряд ли кто
Посягнет на княжью чету —

Надев новые кафтаны
Обернув себе заправски
Яркие кушаки
Вокруг стройных станов
Заткнув по – молодецки

Шаровары в сапоги
Из персидского сафьяна
Они двинулись напрямки
К воротам – Красными званым

У Лазаря нож за кушаком
С акульей рукоятью
У атамана с ножом
Еще и сабля к платью

От ворот с толпой скоро
Миновал св. Троицу
Они вышли к крыльцу
Успенского собора

Величественный храм
В византийском стиле
Воздвигнут ближе к воротам
Пречистенским, что там
Как раз проходными были
Насквозь к восточным стенам

Весь в камне – пятипрестольный
Граду почти ровесник
Стоит вровень с колокольной
Самой высокой в этом месте

Во всем виден размах, простор
Широки и мостовые
Купола храм ввысь простер
Цвета небес – голубые

Кресты о четырех концах
Как в Византии
Медные, но в солнца лучах
Блестят что золотые

Второй этаж – светлый, большой
Отвели для службы летом
А, первый, пользовали зимой
Не жалея свечного света

Везде фрески, стены расписные
В библейских сюжетах
Настоль искусные
Что св. угодники в этом
Витают как живые

Сразу за храмом подворье

Знатное Архирейское
А подале на взгорье
Хоромы житейские
Жилье княжеское

Тут в тереме и живет
Князь Львов, второй воевода
Куда после храма и пойдет
Атаман пешим ходом

Но они опоздали
Как ни ускоряли стопы
Певчие допевали
Бередящие душу псалмы

– Батька, жаль, что не успели
На настоящий антифон
Когда попеременно пели
Хоры с двух сторон —

– Лазарь, тут таков простор
Что на « Господи помолимся»
«Господи помилуй» – любой хор
Ни хуже спеть бы сподобился —

– Не знаю, может и так
Токмо слышал – здесь добрый хор
Такому позавидует всяк
Даже московский собор —

Когда к терему подошли
Князя там не застали
Лишь казаки службу несли
И у ворот стояли

Оказалось, князь на обедне
Но в соборе св. Троицы
Куда ходит все эти дни
И жарко молится

Послав за ними гонца
Батька с Лазарем ждут
Раскурив трубки у крыльца
Когда хозяева придут

Заодно, как и обещал
Батька отпускает казаков
Грозный час миновал
Не стало у князя и врагов

– Лазарь, а ведь и года нет
Как мы впервой сюда явились —
– Да, явились, не запылились
И враз с выходом в свет —

– Вот именно, как есть – с лета
Уж ни грозный ли мой лик
Навеял на князя охоту
Искать с нами общий язык

Тогда, верно, князь и почувал
Какой мы стали силой
И что, за казной кочуя
Ни зря нас по свету носило —

Наконец, и княжья чета
Поспешает – благая весть
Сам атаман им запросто
Оказал такую честь

Князь в турецком кафтане
Длиннополом, почти до пят
Алмазны пуговицы на стане
Так и притягивают взгляд
На богатый, сановный наряд

Бархатный, мышинового цвета
Без перехвата и кушака
Он мягко скрывает при этом
Предательский овал брюшка

Она в алом шушуне, кике
По бархату златые стежки
А на благородном лице
Горят из лалов сережки

Княгиня раскраснелась
От быстрой ходьбы
Видимо, зело хотелось
Чтоб вершителям их судьбы
Одним долго не сиделось

Подошли улыбаясь
Как старым друзьям, молвит князь
– Здраве буде, атаман
Степан Тимофеич Разин
И ты есаул – какая статья!
Не помню токмо как звать

Но храбрый воин – ни так разве?

Пожалуйте в княжий терем
Уже как повелители
И наши спасители
Кому верили и верим —

– И вам княжья чета
Здравствовать долги лета
Ибо за дело благое
Встали с открытой душою! —

Поднявшись по лестнице
Батька с Лазарем попали
Опять в ту же светлицу
Где годом ране бывали

И память освежила
И тот вечер, и княжну
И как она пленила
Улыбкой кроткой, милой
Противную сторону

И взоры восхищенные
К ней всех, кто в зале был
Батька, конечно, не забыл
Особо те влюбленные
Что слал князь Михаил
А он перехватил

И как переплетались
Тогда в нем гнев и робость
Как в грудь шипом впивались
И за сердце цеплялись
Обидой за зазнобу

Однако он покорно
Смолчав – там все сносил
Пометив меткой черной
Кто всех наглее был

Сносил и знал – для драки
Наступят времена
И где «зимуют раки»
Спознает князь сполна

И тот момент случился
Ведь шельму метит бог
Когда князь заявился

Без спроса на порог

Тогда он отлежался
Сошло с рук молодцу
Но через год попался
Все ж под топор стрельцу

Все это промелькнуло
В уме за один миг
Но времечко минуло
И он вершин достиг

О коих ведь доселе
Не мог даже мечтать
Теперь в такой он силе
Что Львову сам под стать

И сев за стол вальяжно
Быть может посему
Вновь вспомнил как тревожно
Тогда было ему

– При виде укреплений
Стен града, башен, флота
Кому была охота
Искать здесь приключений?

Откуда и та робость
Что батьку поразила
Глядеть пришлось «в оба»
За тем, у кого сила

Таперь другое дело
Все так переменилось
Чаво душа хотела
По воле божьей сбылось —

И он, вдруг спохватившись
Что в мыслях далеко
Вернулся в явь окстившись
Привычно и легко

Пред ними тот же кравчий
Слуга не молодой
И так же гордо рябчик
Несет перед собой
В посуде золотой

И батька усмехнулся

– Гляди, прием какой
На серебре ел, ни поперхнулся
Ни поперхнусь – на золотой —

И стало грустно и смешно
Глядеть на поданное блюдо
– Ужель боярам ни грешно
Из злата лить посуду?

Ужель не видят, как кругом
Такие ж божьи твари
Крещенные одним крестом
Довольствуются чугуном
И варят в нем, и парят

Ту пищу, что насущным днем
С благословенья бога
Добудут собственным горбом
Уйдя чуть свет с порога —

Батька сжимает кулаки
– Сколь люду жить в обиде?
О! Как он люто ненавидел
Всех, кто божьей воле вопреки
Свой зоб за счет других насытил —

Но стол накрыт – вино налито
Стесненье прежнее забыто
Уселась княжая чета
И можно есть, и пить досыта
Как со своими запросто

Тут полилось вино рекой
Наверно, батька позабыл
Про эту слабость за собой
А, потому, в охотку пил

Как только Лазарь ни толкал
Атамана в бок
Но тот его, ни замечал
И, как медведь, на мед налег

Когда же батьку мед ни брал
Наливали водки
Даже кравчий ни видал
Нигде луженей глотки

Так за чарой, вновь шла чара
Наливали – пили

Как с цепи спустили
И дивилась княжья пара
Молодецкой силе

Да и как ни удивится
Глядя на его глоток
Так весь княжий погребок
Может вовсе осушиться

Наконец, рука устала
Чарою частить
Вот тогда пора настала
И поговорить

Лазарь радостно вздохнул
– Дал, слава богу, укорот
Значит, край почувал тот
Когда потянет ко сну —

Успокоился и князь
Все сошло с гостями
И беседа началась
Как между друзьями

На вопрос – какие планы
Что собрались делать тут
Встанут ли здесь вольным станом
Или снова вверх уйдут? —

К удивленью своему
Князь ответ не получил
Ни оттого, что хмель сморил
А, похоже, потому
Что и батьке самому
План еще ни ясен был

В самом деле – круга, вече
Хоть и надо бы дождаться
Но, ни это тянет плечи
Сколь груз дум – на что решаться

Еще недавно хотел он
Как осилит цитадель
И повернет сим ход времен
Брать Москву уже за цель

И вот крепость та взята
Астрахань лежит у ног
А на сердце маята

И душа ведь, неспроста
Скулит и ноет, как щенок
Боясь выйти за порог

И кто знает наперед
Чего выше батьку ждет
В переходе долгом
По матушке – Волге?

Только как это сказать
Князю в двух словах
Не хотелось бы и врать
Чтоб ни принял, то за страх
Что ни в силах сам понять

Но и князь, отнюдь не прост
Задавая сей вопрос
Мудрый, опытный вельможа
Хочет знать заранее
Как быть ему – остаться тоже
Иль податься в скитание

Атаман ему как щит
Нощно и по белу дню
А уйдет, тогда ищи
Где – то новую броню

Град огромный, и врагов
У князя здесь немало
А на простых казаков
Без батьки надежд мало

Толковали и о вече
Кое будет зваться кругом
Князь дивлен задумке друга
Но делать нечего

Уже всполошили округу
И люди, расправив плечи
Вовсю тузят друг друга
Как водится – от души и всласть
Пока не поделят власть

У Львова растеклись мысли
О многом хотелось спросить
Но батьку в сон стало клонить
И вопросы князя зависли
На уме, где и должны быть
Продолжая душу бередить

Хотя князю покуда
Спешить – то некуда
– Свой терем, чай, ни острог
И он, конечно, подождет
Когда атаман зайдет
Еще разок на огонек —

Дошел бы батька до шатра сам
Остается только гадать
Но вскоре он был уже там
Про Лазаря нельзя забывать

Правда, потом атаман запил
Беспросветно, кромешно
Из шатра ни выходил
Ни денно, ни ночью

Пил и молчал, пил и молчал
Ожидая сбора круга
Даже старого друга
Уса, и то к себе ни звал
Только Лазаря привечал

Принял как – то раз
Из Царицына гонца
Да, и то, обругал «в сердцах»
Что явился в поздний час

Терский пишет – Кругом тихо
О боярах не слышать
Токмо мучит одно лихо
Люди прут – ни сосчитать

Особливо инородцы
Жрут от пуза – ироды
За неделю и колодцы
Остаются без воды
Слава богу, вот река
Выручает нас пока

Хорошо, что ты заначил
Тогда целые стада
Ни прокормить бы иначе
Столько войска никогда

Так что батька, как ни крути
А отсель неча выступать
Чтоб невесть куда идти

Покамест тишь да гладь
Давай мхом здесь обрастать
Да стены града укреплять —

Когда Лазарь предложил
Написать ответ Терскому
Батька слова ни проронил
Будто писано ни ему

И опять ушел в запой
Не прикасаясь к еде
Приближаясь к роковой
В таких случаях беде

Вот ведь как бывает
Вроде и железо горячо
И силушки хватает
И раззуделось так плечо

Что рука ковать желает
Но в челе засел сверчок
И в кузню не пускает
А журча, как ручеек
Дает мыслям новый ток
Постичь, чего раньше не смог

А пока атаман «отдыхал»
И не мешал никому
Обходя шатер как чуму
Ус весь град к рукам прибрал
Как молвят – без пыли и шуму
Рассудив по – своему
Он и выборы придержал

И пока – «суд да дело»
Скрытно без лишних слов
Сам себе назначил смело
Старшин из донских казаков

Будет ли в граде круг?
Очнется ли батька от сих чар?
Но теперь с ним десять пар
Зорких глаз и надежных рук

Потом обзавелся жонкой
Овдовевшей, как раз
И поселился в сторонке
Вдали от любопытных глаз

Терем не богатый
Но и бедным, ни назвать
Видать, пленило Уса ни злато
А ее красота и стать

Время бежит, и вот – вот
Август – месяц канет в лету
Вновь Терский весточку шлет
– Батька, люд выше по Волге
По слухам – с колен встает
Очнувшись от спячки долгой

И уже тыщные отряды
Арзамасской девы
Бьют бояр – и нет с ней сладу
На берегах – что правом, что левом

А из лесных чащ, схронов
Из непролазных болот
И иных мест потаенных
Где леший – то тропы не найдет

Отовсюду тянется, идет
Одолевая топь, завал
Мужик и баба – стар и мал
Кто дубье, кто вилы несет
А кто рогатину иль тесак

Словом полыхнуло так
От Казани до Самары
Что уж ни отличить никак
Где зарницы, а где пожары —

Не успел отбыть гонец
Как оглушенный сим слухом
Словно ударом обуха
Батька очнулся, наконец

Встал, отряхнулся как петух
От хмельного наважденья
И поправив оперенье
Позабыл про свой недуг

Вновь в очах, где огонь погас
Промелькнула искра
Что вернула его быстро
В грешный мир, кой сам потряс

Узнав про Усовы проделки

Тут же кличет на ковер
Но скорей на посиделки
Чем поставить их в укор

– Да и о чем разговор?
В граде сами виноваты
Что, пойдя брат на брата
Круг не избран до сих пор

Ни тузили бы друг друга
Ни вертались бы спиной
Таперь были бы и с кругом
И, верно, со старшиной —

Ус шел к батьке не боясь
Что получит трепку
Он всегда был не из робких
И ни будет им сейчас

Заявился, как огурчик
Свеж и бодр – взор озорной
Видно, холеный женой
Сам ведь, сколь ни хлопочи
Не углядишь так за собой

Кафтан новый из парчи
С перехватом, становой
Кушак с нитью золотой
Чтоб видали, каков чин

Из персидского сафьяна
По ноге и сапоги
С узким мысом, что ладьи
Как – никак, за атамана
Почти месяц слыл, поди

И еще в глаза бросалось
В ухе новая серьга
– Может старая сломалась
Иль уже не дорога?

Здесь алмаз, и толще злато
Но разве гоже казаку
Вешать в ухо на щеку
Столь кольцо богато? —

Только батька вслух ни стал
Молвить про серьгу богату
Он и прежде подмечал

Тягу Уса к злату

– Но, таков он, ни один
Одолеем врага
Вот тогда и поглядим
Так ли злато дорого

Все зло исходит от бояр
А как изгоним оных
То и людям злата жар
Перестанет быть иконой

Не станет богатых и нищих
Раскрепостится человек
А вольный труд всегда даст пищу
Покой душе – семье жилище
И, значит, счастье всем вовек

Зачем тогда каменья, злато
Распаляют токмо плоть?
Даже брат идет на брата
Ни в силах алчность побороть —

Тут батька мысли осадил
Что угоняют его вдаль
И, смахнув, с чела печаль
К разговору приступил

Начав, не моргнув глазом
Со слов, как отрезал
– Браты, всем из града выступать
Хватит уж, бока отлежали
Будем взоры устремлять
В московские дали

Коль полыхнуло до Казани
И земь под врагом горит
То, с какими же глазами
Атаман тут сиднем сидит

Что подумает Елена
Бесстрашная соколица?
Вот пред кем склонить колено
По сей день он не боится

Ни пред батюшкой – царем
Кто в заступники рядится
А, пред ней, как алтарем
Захотелось повинится

Пошто цел – месяц разменял
На сущую безделицу
А ветряную мельницу
За ворога принял

Пошто глав безвинных посшибал
Да, столь, что и не верится
А круга, так и не собрал
Словом, есть за что клониться
Мне пред нашей соколицей

Разве не понятно сейчас
Что устав нас ждать в верховье
Дева, ни поведя бровью
Бояр крушить сама взялась?

Тесня ворога отчаянно
Она, вгоняя его в страх
Тем расчищает и нам шлях
К московским окраинам

И, чем? Дубьем да вилами
Она дерется геройски
С главными силами
Боярского войска

Браты, от нас зависит
Таперь девы судьба
Не поспеет, зависнем
На ухабе, аки арба
Сгибнет она – божья раба
А с ней и ее голытьба

Даю два дня на сборы
Боле дать бог не велит
Путь долгий предстоит
По Волге вверх – шутка ли

Лазарю готовить флот
А тебе Ус – эскадроны
«Орел» с нами не пойдет
Володеть им не учены
Придет время – спознаем
Все эти премудрости
А покуда стругов хватает
Да нашей сметки и храбрости

Струги не шибко грузить

Харч возьмем в Царицыне
А то вдруг без ветра плыть
Всяко может случиться —

Тут вопрошает Ус
– Батька, а где искать Елену
Волжски гати широченны
Разминемся, боюсь? —

– А деву искать не надо
Она повсюду бояр бьет
Поди, у Казани – града
Сама нас найдет —

На том и порешили
В два дня лагерь свернуть
И без всякой канители
Чуть свет – выходить в путь
Был у Уса еще вопрос
Кого в атаманы метит?
Но спросить не довелось
А может и расхотелось
– Нехай буде в секрете —

На душе кошки скребут
Тоска его обуяла
– Ведь не успел обжиться тут
А все начинай сначала

Бросай богатый стольный град
К чему прикипел сердцем
Где открыты все дверцы
И всяк тебя видеть рад

Ибо здесь ты есть хозяин
С позволенья народа
Значит, до самых – до окраин
Уважаем как воевода

И вот, брось жонку, дом и мчись
По реке, а куда ни зная
Опять шальная жизнь
Нет ей конца и края
Русь – то матушка велика
Ни оглядишь с бугорка

И пошто атаман
Не оставил мя в граде
А тянет с собой – чаво ради

Он же видит, что я таран
Противник звать общины
На выборы старшины
А, тем паче, пускать в круг

Что ему втемяшилось вдруг
Одному богу известно
Пошто хочет повсеместно
Там, где люду дает волю
Внедрять свои порядки
Кому они будут сладки?
Астрахань, ни пример что ли? —

Подумав так, Ус окстился
И в терем заторопился
Где его давно ждут
– Ещо есть два дня
Глядишь, бог услышит меня
И поможет остаться тут? —

Как быстро Ус позабыл
Что еще совсем недавно
На крыльях победы славной
Он в небесах парил
От желанья поспешать туда
Вверх по Волге, где ждут города
Коиx пока не освободил

Два дня пролетели
В заботах и суете
Улицы опустели
Люди из окон глядели
– Неужто уйдут все?

Волюшку – то дали
А круг так и ни собрали
Аки обещали
Видать, ни до нас стало
Их батьке – атаману
Чаво – то ему помешало
Воплотить свои планы? —

И рассудив так
Успокоились люди
– Главное, воевод не буде
А все остальное пустяк
Кого – то же должен оставить
Он в Астрахани править? —

На удивленье многих
Были и жонки в граде
Кто пребывал в тревоге
Узнав о скором уходе

Как ни странно, это те
Кто по батькиной «доброте»
Боясь свадьбы, как черт ладана
Упираясь, силком в храм шли
Да вдруг нежданно – негаданно
Мужей по душе обрели

Тут уж, как говорится
И, впрямь, нет худо без добра
Жаль расставаться пора
С медового – то месяца

Накануне отхода, когда
В тереме гостей ни ждали
Вдруг загремела щеколда
И к Усу постучали

Он поспешил во двор
– Кого еще черт несет?
Ба! Батька, ужель разговор
На ночь глядя грядет? —

– Небось, ни ждал Василий
Хочу глянуть хоть глазком
Каки хоромы осилил
Ни разу ни махнув топорком
И вижу – терем ладный
Не хватает лишь цепных псов
Чтобы было неповадно
Беспокоить важных жильцов —

– Бude батька, я ж ни князь
А хоромы женушки
Не вини – судьба так сошлась
У буйной головушки —

– Ладно Ус, сказом мя не надо
На ночь – то потчевать
Душа болит о судьбе града
О ней и будем горевать —

Они прошли в горницу
Хозяйка красива, молода
И сарафан ей к лицу

И, статью, хоть куда

Встречает батьку с поклоном
Правда, без хлеба и соли
Видно, что этикету учена
Но его явно, ни ждали

По нраву батьке и коса
Русая, длинная до пят
И очи сини, как небеса
Того и гляди – страстью опалят

В доме светло, хотя вечер
Уже раскрыл объятья мгле
Повсюду горят свечи
И в образах, и на столе

Октившись пятерней всей
Атаман тяжело сел
На широкую лавку
И положив рядом шапку
Облокотился на стол

Качнувшись, осветило
Пламя свечи их лица
Будто чует – за столом сила
Что сам хозяин боится
Хозяйка тут же смекнула
Грядет важный разговор
И быстренько нырнула
Накинув шаль во двор

– Ус, мекал я много
Допрежь придти сюда
Впереди дальняя дорога
Через веси и города

Волгой – матушкой да шляхом
Еще невесть куды брести
Чай, до Москвы одним махом
Вряд ли получится дойти

Со мной все может случиться
Разве заранее угадать?
Один господь способен знать
Где моя смертушка таится

Посему из ума нейдет
А что, как голову сложу

И все, чем так дорожу
Вдруг прахом пойдет

И желанной воли ростки
Давшие тут первые всходы
Канут в лету навеки
На самом пороге свободы

Чуешь ли это Василий
Разумеешь, к чему клоню
Будешь есаул в силе
Исполнить волю мою? —

– Батька, чем встревожен ты
Чаво удумал такое? —
– Ус, думы – то мои просты
Но вот, ни дают покоя —
Больно зреть как боярски персты
Честной люд, что коровку доят

Да так, что могилоч кресты
Мчатся галопом по Руси
Без устали множа погосты
Любого мужика спроси
Все стонут от лиха и гнета
От жития без просвета

Так вот хочу головой
Посадить тя в граде
Атаманом – но сказ мой
Буде тебе Ус такой

Зело прошу Христа ради
Не приказываю, а прошу
Ни на что не глядя
Исполнить, вложив всю душу

Три главных моих условия
Перво – собрать городской круг
Где должны быть все сословья
Окромя господ и их слуг
Приказного поголовья

Второе – избрать старшин
И ни токмо из казаков
Но и оседлых жильцов
А так же от больших общин
С тобой им учинять суды
В случае, какой нужды

Третье – не забижать князя Львова
Не чинить ему козней
Шкуру спущу с любого
Узнав хоть о малой угрозе

Ус, клянись на сем месте
Глядя в образа господни
Что исполнишь честь по чести
Все чаво прошу седни —

Ус тронул свой крестик
И глядя в образа
Октившись, громко сказал
– Клянусь казачьей честью
Исполнить все, что приказал! —

А таперь Ус, о деле
Всех забираю отселе
Окромя трех сотен казаков
Да полтыщи стрельцов
Да трех тыщ инородцев

Калмыков, мордвы, башкир
Поволжских батыров иных
Нехай стерегут в граде мир
Где ещо страсти накалены

И десяток стругов бери
Не считая фрегата
Так что в оба зри
Хватает вкруг супостатов

Словом, храни Астрахань
Первый стольный, вольный град
И помни, ты тут ни хан
А ставленный мной атаман
Честному люду отец и брат
Будь он наш или азиат —

Расставались у ворот
Никто ведать не мог тогда
Что уже боле никогда
Судьба их вместе не сведет

И что, после расставанья
Едва струг батьки отойдет
Ус, позабыв про обещанья
По – своему править начнет

Как бог на душу положит
Ибо по – иному не может

И что, батьки мечты
Собрать круг, какой желал
Разобьются как плоты
В море о «девятый вал»

Уходили рано утром
Город с ночи на ногах
Зорька нежным перламутром
Озаряет волжский шлях

Наконец, тепло настало
Сколь же хладу лето красть?
Людей столько у причала
Негде яблоку упасть

И кого здесь только нет
Казаки и стрельцы
И заморские купцы
Обошедшие весь свет

Дети, жонки, мужики
Жмут нательные крестики
Чтоб вернулись казаки
А ни царя наместники

Даже Львов, вельможный князь
И царский воевода
Загляделся на проводы
Невиданные отродясь

Его повергает в шок
То ликованье народа
Чем ни один царь никогда
На Руси похвастаться не мог

Глава 3 Арзамасская дева

Кто она по имени
Чьего замеса – посева
Из коего рода – племени
Эта арзамасская дева?

Были ли отец и мать
Или аист нашел в копне?
В далекой, лесной стороне
Остается только гадать
Вестимо и тебе, и мне

Но доверимся сказам
Как в местах глухих – по слухам
Где – то под Арзамасом
Жили старик со старухой
Ожидая смертного часа

Бедней их в округе всей
Верно, не было никого
Но это, ни ее, ни его
Не волновало вовсе

Тесна избенка, худа крыша
Нигде ни присесть, ни прилечь
Слава богу, что есть печь
Да и та, на ладан дышит

Ко всем их бедам
Как бывает часто
Еще бог и детей не дал
Старикам несчастным

Но, как – то, собирая травы
В нежных, утренних лучах
Восходящего солнца
Старуха, и впрямь, боже, правый
Нашла в духмяных копнах
Сладко спящего младенца

Ни заглянув даже
Какого дитяти пола
Она в счастливом раже
Обернув подолом

Как полотенцем

Голенькое тельце
Поспешила, что есть мочи
Благодарная судьбе
С теплым комочком
К своей дырявой избе

Так в Выездной Слободе
Враз на душу боле стало
Летом ни думали о еде
Ягод и грибов хватало

Зимой намного хуже
Боярин, знамо, все отберет
Но затянув пояс потуже
Ели, что бог пошлет
И за лето даст огород

Девочку назвали Аленой
Ну, а как же еще
При виде пухленьких щек
Розовых, нежных что шелк
Да и господом дарена

Теперь отец лапти плел
Уже на три пары ног
Без одежды – ты гол как сокол
Но можешь шагнуть за порог

Надев шапку или платок
Это еще – куда ни шло
А, как быть, в зимний денек
Когда все снегом замело
Выйти босым – упаси, бог?

Так и жили ни один год
Много ли Алене нужно?
Где водицы попьет
Где хлебушка пожует
Главное, в семье дружно

Старики уже забыли
Как смерти просили
Теперь у них все было
Что прежде не хватало

Малая крестьянка
Вскоре обучилась всему
И вставать спозаранку
И растопить печь в дому

А к восьми годам умеет
Замесить по – бабьи тесто
И ухватом так владеет
Что чугунок летит на место
Ослушаться не смея

Немало и иных забот
По сельскому быту
А сколь в поле хлопот
Пока поспеет жито?

Да собрать, да обмолотить
Да уберечь от зноя, града
Стонет к ночи живая плоть
А трудиться малой надо

Обидно только – приходит срок
И тут же, как Христа ради
С рукой стоит жадный дядя
Чтоб все забрать на оброк

Старик поворчит слегка
Погладит дочь по головке
И молча, из доброго лыка
Начнет ей плести обновку

Но вот отца не стало
И той же проклятой зимой
Так матушка затосковала
Что и сама ушла на покой

Осталось сиротка одна
Одна – одинешенька
Потому и так холодна
И так голодна
Выдалась эта зимушка

Но зазвенела весна
Стало солнышко припекать
К тому времени и она
Хозяюшкой успела стать

Потом ни много, ни мало
А, вымолив, у селян бычка
Сама свой надел вспахала
Старинной сохой дедка

Так с десяти годков

Дева в полной мере познала
Тяжелый труд бедняков
И значимость в нем орала

Урожай с межи короткой
Оказался, ни беден
Да и рожь обмолоть сиротке
Помогали соседи

Но радость была недолгой
Боярский приказчик – тут, как тут
И пять мешков муки идут
В счет погашенья долга

Даже охнуть не успела
Как он подкатил на телеге
А дорожная пыль съела
Ее мешки – обереги

Не тронут последний – шестой
То ли приказчик не заметил
То ли увидел, что с дырой
И по пути разнесет ветер
Но сердечко детское сжалось
При виде добра, что осталось

Пережила бы она зиму
Или было бы ни по силам?
Остается загадкой
Но поздней осенью мимо
Ее избенки шаткой
Монахиня проходила

Шла, видать, издалека
Устала, просит водицы
Глядь, выносит ковш черноока
Не то, дитя – не то, девица

Пока старица пила
Оглядела девчонку
Уж зело скудной была
На ней одежонка

Но, коса густая, до пят
Очи глубоки, как колодцы
И так пронзительно глядят
Что взором можно уколотся

Ладен и девичий стан

Не по летам славный
Вот шушун и сарафан
Не с ее плеча – явно

Глядит на избу – крыша худа
Видать, сирота – ни дать, ни взять
А ведь скоро холода
До зимы – рукой подать

Повалит снег, задует
Ветер северный, хладный
Того и гляди – хворь, какую
Будь она ни ладна
Схватит по скудности все

– Пропадет девка ни за грош
От нищеты и глада
А в монастырь приведешь
Игуменья будет рада

Кому не нужны руки
Молодые, умелые
Монастырски – то надель
Вестимо чай, велики —

И решила старица
На обратном пути
Заглянуть к девице
Уговорить с ней пойти

Селяне даже ни видели
Как старица ее забрала
Но с тех пор дева обрела
Приют в святой обители

В живописных местах
На берегу Мокши – реки
От Темникова в трех верстах
И потекли ее деньки
В тишине и молитвах

По церковной книге дева
Хотя и самозванна
Прошла как Нефедова
Елена дочь Ивана

Видать, почивший в бозе
Тот старик селянин
Был Нефедов Иван, как и все

Тут переселенцы – славяне

Оглядев ее подняв бороду
Пономарь дописал
– И лет тринадцати от роду —
А про себя прошептал
– Мене бы, никак ни дал —

У монастыря под боком
Большое озеро Санаксар
Что как и Мокша, спокон века
Спасали людей от наскока
И сибирских племен, и татар
В те времена особо
Когда Русь была слаба

Были те – озеро и река
И панацеей от рока
Как то – глада иль пожара
Что опасней, чем татары

В голодные – то годы
Рыба здесь была подспорьем
Не только для их подворья
Но и простого народа
Хлебнувшего по край горя

Монастырь уже привык
Что в годину испытаний
Когда голодомор велик
Голь спешит сюда заране

Никто и ни дивится
Что монахи «за спасибо»
Готовы всем поделиться
С любим, кто бы ни был

Надо сказать, что земля эта
С древнейших времен
Знала набеги диких племен
Со всех сторон света

С девятого столетья
Сюда двинулись булгары
Спасаясь по лихолетью
От Каганата хазаров

Изгнанны с родных мест
Райского Причерноморья

Булгары нашли себе «нашест»
В Волжско – Камской акватории

Сами же, в свою очередь
Прибыв из такой дали
Вытеснять старожил стали
Славян, мордву и прочих
Сгоняли с обжитых вотчин

Вековечная чехарда
Длилась в Среднем Поволжье
До тех пор, пока сюда
Сея смерть и безбожье
Ни пришла, куда большая беда
Татаро – монгольская орда

Подавляя мир долги годы
Подмяв под свои вериги
Орда озлобила народы
Всех рас, кровей и религий

А как рухнуло, распалось
Царство Астраханское
Потом и Казанское
Тут и Русь с силой собралась
И, ни жалея, босых ног
Подалась на Восток

Где время, удила закусив
Галопом, никого ни спросив
Вновь мчится смешать народы
С бегущей от гнета Руси
И все быстрее – год от года

Вот и Выездная Слобода
Ни стала здесь исключением
Русских с родных мест сюда
В дремучи веси, города
Гнало тем же теченьем

И на древних селищах
Как по волшебству
Вставали новы городища
Теснившие мордву

Тут в Волжско – Камском подоле
Уже заматеревшей Руси
Слетевшись, словно гуси
Все варились в одном котле

Где и православные
И масульмане, и иные
Имевшие корни вековые
Сплетались в тугом узле

Но забудем об истории
И вернемся в обитель
Где, хлебнув сиротского горя
Объявился юный житель

Да, какой! – Не нарадуется
На послушницу новую
Игуменья – настоятельница
И в работе бедовая
В первых рядах значится
Ни от какой, не прячется
А делает со стараньем
И должным послушаньем

Все в ее руках «горит»
Спорится да ладится
Сделав одно дело – бежит
За другим – к старице

И, все – то, ей по душе
Чтобы ни поручили
Игуменья дивится уже
– И как без нее жили? —

Всегда в молитвах, трудах
Не чует послушница
Как стремглав время мчится
А она взрослеет на глазах

И вот, мать – игуменью
Переводят под Арзамас
А по ее повеленью
Всех, на кого положит глаз

Так наша дева мигом
Хотите того – не хотите
Обрела новую обитель
Где стала ожидать пострига

Как крещенья таинство
Ведет в новую жизнь вас
Так и постриг в монашество
В вериги святыя рядясь

Безо всякого сомненья
Считается вторым крещеньем

Вводя в совершенный образ
Все греховного очищенья
Чрез благословенный экстаз
Что и сподвигает как раз
К христианскому служенью

Но канул пострига обряд
Жизнь вошла в свою колею
Приняв новоиспеченных чад
В монашескую семью

Казалось бы, чего нужно
Еще сиротке безродной?
Живи в семье дружной
Средь сестер богоугодных
Не будешь ни голодной
Ни холодной – зимой вьюжной

Только она сердешная
Не находит успокоенья
В тихом умиротвореньи
Монастырской жизни неспешной

Тянет все за ворота
Ноги сами туда несут
На крестьян поглядеть охота
На их тяжкий, сельский труд

Не забыла еще Алена
Голодное детство, знать
И любящих, отца и мать
И зимушки студены
И вьюги вихрем кручены

Что со свистом и гиком
Мечутся из конца в конец
И лапти из доброго лыка
Что на зиму плел ей отец

Не забыла и боярина
Что, ни раз, аки чума
Налетал хуже татарина
На их нищие закрома

Освоив азбуку сначала
Научилась читать и писать

Но и того ей мало
И она пробует врачевать

Откуда у сироты это
Но через пару лет вдруг
Овладевает секретом
Лечить и тяжелый недуг

Ее монастырская келья
Ломится от мазей, трав
И прочего зелья
Из коего сама собрав
В лугах и зарослях лесных
Готовит целебный состав
Для немощных и больных

Вскоре она уж и костоправ
Да, такой, что многие
К ней на лечение попав
Поднимаются на ноги

Так не ходящие калеки
С Арзамасской паперти
Что обречены навеки
Сиднем до самой смерти
Под церковной стеной
Сидеть с протянутой рукой

Вдруг встают, верьте – не верьте
И, заспорив, с судьбой
Начинают, мал – по – помалу
С сестринской помощью
На костылях сначала
Выходить на дорогу
А, потом и вовсе, ни боясь
Ступать без оных, плача и ксясь

Вот где пригодилась
Не только ее смекалка
Но и крестьянская закалка
И сила, что в руках водилась

И пошел от края до края
Слух по мордовским просторам
Как монахиня молодая
Оказывает помощь хворым

Тогда и потянулись сюда
Толпы болезных и калек

Что на Руси из века в век
Не переводятся никогда

И к каждому она
Находит душевный подход
С рассвета и дотемна
Идет и идет к ней народ

Врачуя недужное тело
В нищей, одежке драной
И скобля гнойные раны
Она, как бы между делом

Кого о семье спросит
Кого о сторонке родной
Да так, что каждый уносит
Тепло ее сердца с собой

Нет границ, ни простоте
Ни материнской доброте
Ни евангельской любви
Ко всем, кто в гольной нищете
И беспросветной нужде
С покорностью воловьей
Прозябает на белом свете

Откуда бы ни был ходок
Везде на Руси те же нравы
И то ж крепостное право
И тот же кабальный оброк

Вот и задумалась о том
Монахиня молодая
– А так ли уж Русь святая
Праведна нынче во всем?

Неужто, господу надо
Когда одни божьи чада
Живут сыто до преклонных лет
А других понукает нужда
Со дня появления на свет
И конца – края тому нет
Ужели так буде всегда?

Нешто, не видит господь
Кто от темна и до темна
Не сходит с полей, с гумна
Денно, ночью истязая плоть? —

А мать – игуменья молчит
Слушая такие речи
С вопросами смелыми
Дивясь неумной натуре
– Надо же, до всего есть дело
Этой молодой фурии? —

Разве игуменья могла знать
Она же ни провидица
Что ее любимица
Едва успев постриг принять

Вдруг вот так вздыбится
И ее, как кобылицу
Понесет из края в край
– То лечить калек, подавай
То, и вовсе, пугать крамолой
Монастырских богомоллов —

И ведь понесло так, что впору
Принявшую священный обряд
Теперь из монастырских врат
Да изгонять в город

Как игуменья ни билась
Ни увещевала ее как
Монахиня ни сдавалась
Ссылаясь на небесный знак
Иначе, зачем ей во снах
Богородица являлась
С тихой улыбкой на устах

– Разве она не зовет
Помочь убогим и нищим
Кто давно спасенья ищет
От обезумевших господ? —

И не угрозы, не уговор
Уже удержать не могли
Монахиню с этих пор
В святой обители

Не успела выйти Алена
За монастырские ворота
Как ее с большой охотой
Принял под свои знамена
Первый же атаман
Мятежных крестьян

Это было время, как раз
Когда, только – только Разин
Вышел на Волгу без боязни
На челнах – почуяв свой час

И тогда, три года тому
Толпы крестьян взяв дубье, вилы
Потянулись к нему
Как подсолнухи к ярилу

Словно сойдя с ума
Поднялась крестьянская Русь
Скинуть с плеч непосильный груз
Опостылевшего ярма

Запретам церкви вопреки
Всюду зачесали кулаки
Доведенные до отчаянья
Побором и истязаньем
Разгневанные мужики

Зашевелились как пауки
В дремучих скитах, схронах
И беглые мужики
Что всегда на подъем легки
Вылезли из нор потаенных

Наконец – то, на свет белый
Слава богу, теперь есть дело
И для них обреченных
Жить за родным пределом

Огляделись вокруг
И жаждой мести ведомы
Сойдясь в дружины, вдруг
Пошли жечь господ хоромы

Забушевали пожары
Ни ведая пощады
По весям и градам
Будь – то Пенза иль Чебоксары

Везде, где ни спроси
По всей матушке Руси
Запылали усадьбы у тех
Кто подвел людей к черте
За кой и белый свет им
Становится невыносим

В одну из сих дружин вот
Наша дева и попала
Где через неполный год
И сама верховодить стала
Когда в одной из атак
Погиб их прежний вожак

Судите сами – еще кому
Как ни ей, отряд принимать
Если по храбрости и уму
Лучше нигде не отыскать

Так за год поднаторела
Она в искусствах боевых
Что из ружья палила смело
И заряжать сама умела
Что было непростым делом
В ту пору для рук мужских

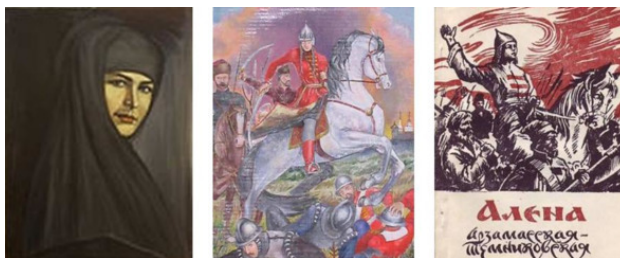
И острой саблей владела
И ударом кулака «под дых»
И все это, ни хуже других
Ибо бог, не скупясь за двоих
Вложил ей силушку в тело

А в стрельбе из лука
Ей и вовсе равных нет
Словно этой науке
Обучалась с малых лет

Десять из десяти, не мене
Попаданий в яблочко
Это за двадцать – то саженьей
До означенной на горочке
Учебной мишени

Где всем на удивленье
Ей и ветра дуновенье
Ни мешает поодиночке
Все стрелы вгонять в точку
Даже на таком удаленье

Кому такое по силам?
И, вскоре, в сказах и песнях
Слава о ней воспарила
Над градами и весями
Как птица сизокрылая

Сказывали – У нее и лук
Кой – то особый, не простой
На другие не похожий
Где не всякому – силы рук
Хватит, чтоб совладать с тетивой
Из сыромятной бычьей кожи

Что, будто бы, она сама
Еще в монастырской келье
Неделя за неделей
Ладила тетиву «до ума»
Дубленьем в некоем зелье

Рецепт коего случайно
В древней книге нашла
А завладев этой тайной
Над луком и власть обрела —

И еще молва идет
Что, встав за народно дело
Супротив бесчестных господ
Ее сердце не очерствело

И в честном бою
Лишив живота боярина
Ни подобится татарину
И, как ордынец, на корню
Ни губит всю его семью

Все это вместе взятое
Будоражит крестьянские умы
И зовет к ее пенатам
– Ужель от боярской чумы
Как от тюрьмы и сумы
Можно избавиться когда – то? —

Потекла мужицкая лава
По тропам непролазным
С окрестных весей разом
Через стрелецкие заставы

Обходя посты, облавы
С надеждой – в лагерь девы

А когда эхом прокатилась
И весть, что добилась
От батьки чина есаула
То, слава ее шагнула
Уже далеко за Арзамас
И как догадались вы
Вскоре дошла до Москвы

А оттуда воеводе
Леонтию Шайсукову
Шлют приказ – в этом годе
Схватить «горе луковое»
Из – за кого стало в моде
У воровского отродья
Жечь боярские уголья

Но как сделать это?
Если шайки летучие
Накатываются как тучи
Обычно перед рассветом

Когда солдаты, стрельцы
И иноземные чины
Еще видят сладкие сны
А те до крепостной стены
Проходят за ночь концы
Что под силу лишь коннице

Но вот случай представился
Как – то узнает воевода
Что дева идет походом
К Шацку, кой давно славился
Своим мятежным народом

Значит, теперь жди беды
Еще большего масштаба
Уездный град возьмет баба
И пополнит свои ряды
Разбойным людом не слабо

Но с другой стороны
Идти верст, сто двадцать, не мене
Значит, силы ее истощены
Будут маршевым бдением
Еще до нападения

И решает воевода
Чуя, что его час пробил
Идти вдогонку походом
Заходя деде в тыл

С гонцом шлет приказ он
Поставив щит из пушек, мортир
Вывезти весь шацкий гарнизон
Из городских квартир
И ударить с двух сторон
Враз в порыве едином
Деве в лоб и спину

Князь, ни одного гонца послал
А двух – так велика тревога
Один по тракту поскакал
Второй окольной дорогой

Не ровен час, кто попадет
В засаду к окаянной
Тогда другой уж довезет
Его приказ и планы

И, вот наскоро, собрав обоз
И, помолясь, на дорогу
Воеводу черт понес
К Щацку на подмогу

С ним под тыщу стрельцов
Все, в основном, пешие
В руках у молодцов
Блестят наточены бердыши
Без них стрелец, как без души
Ни жить, ни драться не готов

Окромя самих стрельцов
Еще сотен пять иных
Иноземных бойцов
Сиречь, европейских
Гольштинских, свейских
И, прочих, невесть каких

Средь них и рейтары видны
Хотя их немного – под сотню
Зато и солдаты, и чины
Все закованы в броню
Как водится – на корню

Щеголяя друг пред другом

В седлах, что на параде
Звеня латами, кольчугой
Они на всех, сверху глядя

Самодовольства ни пряча
Чуют себя в отряде
Белой костью – не иначе
Что, конечно, с неких лет
Ни для кого не секрет

Сам воевода на жеребце
Сидит в доспехах, шеломе
Суровость, решимость на лице
Как бы кажут, что на уме
У него нет ничего, кроме
Страстного желанья загнать
В капкан мужицкую рать

А на самом деле – шквал чувств
Будоражит вояку
– Вот дожил, как вьюнош лечу
Ввязаться с бабой в драку

И когда, такое бывало
На Руси со времен она
Чтоб монашка люд поднимала
Рушить царевы законы

И отколе такая сила
В ее правде и речах
Чтоб одолев пред властью страх
Чернь к ней, как в храм валила? —

Давят сии мысли на темя
Омрачают княжье чело
– Уж ни смутное ли время
На Русь опять набрело?
Если царской воле назло
Даже бабы лезут в седло
Истреблять боярско семя
За что, за грехи какие
Гонят силы небесные
Нас из огня да в полымя? —

Но, дума – думай, а вперед
Отряду двигаться надо
И князь суровым взглядом
Глядит на тех, кто отстает

Однако случилось иначе
Чем воевода наметил
И один гонец был схвачен
Не домчав до Шацка и трети
Наезженного пути

Хотя тот и не вез письма
И мог бы придержать язык
Но, попав в плен, гонец сник
И, верно, от страха без ума

Ниц преклоненный
Пред девой, как пред иконой
Потупив виноватый лик
Тут же раскололся вмиг
Как воевода ни суров
Но ей гонец врать не готов

Познав князя замыслы
Дева останавливает ход
И, выбрав место, где заросли
Сама стала готовить налет

И вот жарким, летним днем
Когда солнце в зените
И, хотите вы – не хотите
А потянет вас в водоем

Одолев очередной подъем
Князь решает остановиться
Отдохнуть, коней попоить
Да самим воды напиться
Сколь же можно спешить?
Тем паче, что невдалеке
Виден пологий спуск к реке

Они два дня в пути
И уж порядком сомлели
А еще идти и идти
Верст пятьдесят до цели

Место райское, птицы поют
Кругом тишь да благодать
Сам воевода не прочь тут
Старые кости размять

Но не успел он с коня слезть
И выставить охрану
А стрельцы присесть

Расстегнув кафтаны

На травке зеленой
Как из кущи напротив
Где встали по своей охоте
Из – за дерев с густой кроной

Летит вдруг зловещая весть
В виде стрелы каленой
Что мятежники уже здесь
А вот им, приспичило присесть
Как раз у их схрона

И как дева угадала
Что князь выберет место
Именно тут для привала
До сих пор неизвестно

Но молва утверждала
Что провидицы как она
Сия сторонка ни знавала
В стародавние времена

Первой же меткой стрелой
Возле князя стрельца убило
А, потом, стрелы взвились стеной
Заслонив, и само ярило

Когда же, что дождь отшумели
Стрельцы и охнуть не успели
Как разверзлись кущи
Пока они цепенели
И толпы мужиков бегущих
На них, что медведи насели

И все предметы быта вмиг
Кои, верно, до сей поры
Не покидали их дворы
Но чем живет простой мужик

Как – то: мотыги, багры
Косы, вилы, топоры
Наконец, рогатины
Да крепкие дубины
Все это в руках умелых
Пошло на ратное дело

Во главе крестьянской голи
В монашеском одеянье

Путаясь в длинном подоле
Верно, со скоростью лани

Бежит дева, грозя крестом
Как небесным перстом
Тем, кто ни с покаяньем
Явился к ней, а с мечом

В другой руке держит клинок
За спиной, как всегда лук
Удар – и стрелец летит с ног
Выпуская бердыш из рук

Еще удар – второй упал
То ж кровушкой насытив
Травку, что собой подмял
Он, видно, много повидал
Сражений и событий
И потому не ожидал
От бабы такой прыти

А мужики все прут и прут
От крови, что ль осатанели?
Вот тех, кто в панике бегут
Догнав, уже на вилы вздели

А вот рогатиной мужик
Сбил рейтара с коня
И добивает, слыша крик
– Глянь, в броне доброй ратник
А истукан, не смелей пня —

Слышны крики, ругань – там и тут
Тяжелораненные стонут
И кони пуганые ржут
Мечась, скользя по красным лужам
Спешат покинуть этот ужас
И напролом отселе прут
С пустыми седлами
Истыканными вилами

Но вот забухали пищали
Ужель стрельцы в себя пришли?
И, очумевшие, вначале
Сопротивляться черни стали?

Да, так и есть, но лишь местами
Кто ни мирясь с судьбой
Вину, почуяв за собой

Вступает с мужиками
Похоже, что в последний свой
Теперь уже неравный бой

По большей мере перебиты
Стрельцы ни о себе тужат
Пред ними зрелище похуже
– Пошто, так подлю и открыто
Бегут собратья по оружию?

Маршировали – то, как чинно
В парадном блеске стальных лат
А что осталось от солдат?
Токмо мелькающие спины
Между дерев, что ловит взгляд
Ни зря ж про свейца говорят

Что он за тем служить идет
Чтоб златом набивать карманы
А на Руси терять живот
Не входит в его планы —

Да и сам воевода
Получив укол вилами
Собравшись с силами
Тоже поспешил дать ходу

Слава богу, что вынес мерин
Когда в спасение не верил
Ни зря души, ни чая в нем
Он с рук кормил коня зерном

Вот так бесславно сей поход
Закончился для воеводы
Теперь запомнится на годы
На что сподобится народ
Во имя правды и свободы

Да и для девы самой
Это был ее главный бой
Не идущий в сравненье
Ни с каким сраженьем

Ибо одержан впервой
С редкостным уменьем
Почти безоружной толпой
Ввязавшейся в неравный бой
С войсковым соединеньем

Теперь деве, вкусив такое
И окрыленной победой
Казались смешными беды
Что были болью головною
Для них все эти годы
– Выходит, побить воеводу
Можно, дело – то наживное

И если немного наддать
Еще по градам и весям
Не далек час, вовсе сломать
Хребет боярской спеси

А разгромив боярство
Будет уж рукой подать
До воли, всеобщего братства
Без нищеты и рабства
Что Разин и хочет всем дать —

А пока простоволоса
На пне сидя с горящим взором
Дева ведет допросы
Бойцов, сдавшихся с позором

Не получив всего от гонца
Она теперь не торопясь
Хочет разобраться до конца
Кой силой еще владеет князь
И чего ей опасаться

Ни ставя пленных на колени
Ничем ни грозя никому
Дева без тени презрения
Подзывает всех по одному

И каждого расспрашивает
Без «металла» в голосе
Тем самым и страхи вовсе
Из пленного изгоняет

У нее нынче улов не плох
Все, кто дубьем ни побиты
Либо на вилы ни вздеты
Либо ни скрыл чертополох

Стрельцы, рейтары, солдаты
Кого внезапным накатом
Мужики застали врасплох
И кто или ни успел

Или уже ни захотел
Противиться лесному брату

Все они, бравые когда – то
Теперь, заплонив поляну
Стоят под солнцем и ждут
Томятся, когда их позовут
Иные в рваных кафтанах

А кто, ни потеряв застежки
Только помят немножко
Но всяк с дрожью на деву зрит
Забыв про свой былой вид

Головы опущены вниз
Лица серы, губы сжаты
Стоят тихо, как ягнята
Чуя, что любой бабий каприз
Может стоять жизни солдату

Но, слава богу, дева тиха
Что уж и говорить
И ни берет на душу греха
Пока ни пытаться, ни казнить

Гневаться ей нет причин
Скорей счастлива она
Ибо свой есаульский чин
Нынче оправдала сполна

Прежде было в привычке
Покуда ни окреп отряд
Затевать малые стычки
С постами стрельцов и солдат

Налетать как бестия
Жечь барские поместья
Иногда громить заставы
Нападать на караулы
А теперь – о, боже, правый!
Вот на войско посягнула

Самого воеводу пнула
Да так в том преуспела
Что, заодно, и овладела
Его обозом с оружием

Получив все, что хотела
Бердыши, пистолы, ружья

Даже каленые стрелы
И четыре новых пушки
О чем и мечтать, не смела
Ужель свейские братушки
Их тащили для матушки?

Только латы не пойдут в дело
Мужики же ни солдаты
В броне драться тесновато
– Будто – бы недужит тело —

Да и сама Алена
Не жалует кольчуги
– Движенья в них стеснены
Как у коня в подпруге
Да и в бою от натуги
Не раззудеться упоенно
Младым чреслам сжатым оной
Заморской броней

Нет, ей не нужны они
Все мы ходим под богом
И если сочтены твои дни
То и броня ни помога —
Вот так – ни много, ни мало
Дева и рассуждала

Но как, ни велика победа
Она понесла и утраты
Двести душ простого люда
Отлетели без возврата
В небесные дали
Где их, верно, и не ждали

Да и раненых не мене
А сколь тяжко увеченных?
– Так что и думать неча
Ей нужно пополнение —

Но вот дева, как раз
Завершает пленных опрос
Из чего ясно, что Арзамас
Куда, видать, князь ножки унес

Как и прежде его оплот
И предмет царских забот
Туда уже ни один год
Москва подкрепленье шлет

Где остался гарнизон
На полторы тыщи стрельцов
Да иноземных спецов
Пушкарей, солдат, их чинов

Коими так наводнен град
Что, посчитав всех, аккурат
Кого и по щелям отыщешь
Будет еще не мене тыщи

А учтя крепостные стены
Да количество пушек там
То ясно, что для Алены
Арзамас пока ни по зубам

Другое дело Шацк – град
Где с полтыщи стрельцов
Да столько же солдат
И где, в конце концов
Князь и задумал ее охват
Огненным кольцом

Или Темников – град
Где ее приютили
Когда – то в обители
Там тоже стрельцы стоят

И свейцы – все честь по чести
И крепость на месте
Хотя стены и поуже
И ни столь высоки

Но, и здесь, шансы невелики
На успех, похоже
– Не привыкли еще мужики
Города тревожить
Да лезть на стены под пушки —

Так, куда идти – вперед, назад
В Шацк или Темников – град?
На что получить ответ
Дева и хочет, собрав совет
Заодно, обсудить вопрос
Как с пленными быть
Отпустить или казнить

А пока надо убитых
Как водится – земле предать
Ямы уже нарыты

Осталось тела покидать

Что сразу и делать стали
Тут, сложив своих – там стрельцов
А заморских удалцов
И вовсе снесли подале
Не поставив даже крестов

Едва мужики обтерли пот
После тяжелой работы
Зарыв без особых хлопот
То, что было бравой пехотой

Как дева сама проделала
Весь погребальный обряд
Что не хуже попа умела
И всех усопших отпела
Как того каноны велют

А сделав благое дело
И, погрузив, раненых в обоз
Она снова на пенек села
Чтоб обсудить главный вопрос

Куда же ей вести отряд
В Шацк или Темников град?
Иль уж куда глаза глядят
И как с пленными быть
Помиловать или казнить?

Так она делала всегда
Собирала общий сход
Когда в том была нужда
И слушала свой народ

И часто, в час смятенья
Когда было особо туго
Им загнанным в угол
Находить верное решенье
А, значит, и спасенье
Помогал локоть друг друга
И братское общенье

Вот и сейчас, решать надо
Уже и арсенал имея
Даже пушками владея
Куда же их отряду

Направлять нынче стопы

Ведь вороги не глупы
Напугавшись до икоты
Силой мятежных отрядов
Они укрепят ворота
И стены ближайших градов

Да и самим не охота
Почуяв победы вкус
Опять прятаться в болотах
Где заедает мошка, гнус

Но вот все в сборе
Пленных отвели подале
Чтобы не слышали
О важном разговоре

И наперед выходит дева
Хороша на диво!
Груди как чаши – черноброва
Гордая осанка, упруга стать
Что и монашки одеянье
При всем ее старанье
Уже не в силах скрывать

Лик счастливый
Волос, что ворона крыло
Как смоль, с блестящим отливом
Спадая, обрамляет чело
Гладкое, чистое
Словно росой омытое
После всего, что было

Чуть выше среднего роста
Но, ни красуется, как пава
А на всех взирает просто
Будто это ни ее слава
Что колокольный звон
Отсель, обгоняя версты
Летит за победой вдогон

Чрез веси, грады, погосты
Озер и рек глубины, отмель
По просторам, русских земель
До самой, дремучей глуши
Будоража людские души

Дева всех оглядела
И громко произнесла
– Братья мои! Христовы чада!

Ратоборцы православные
Раздавив боярского гада
С его свейским сбродом
Вы вписали листы славные
В летопись борьбы народа
За волюшку и свободу

Так трепещите тираны!
Вырванное у вас жало
Ружья, пушки, ядра, запалы
Что веками окаянно
На людей страх нагоняло

Таперь в наших руках
А сметки нам ни занимать
И, одолев, вековой страх
Мы обучимся сим воевать
Чтоб врага обратить в прах

Не так ли, братья мои? —
– Так, матушка, уста твои
Воистину, то глаголят
Без чаво не видать воли —

– Братья, помолимся богу
Всевышнему слава, хвала
Ибо нынче наша взяла
Ни без его помощи —

Все кто вокруг стояли
На коленях наземь пали
Закончив моления
Поднялись с коленей

– Братья, и потери велики
Кажи – ка о них Матвей? —
Мужик, что с правой руки
Стоял – поклонился ей

Сам крупный, крепкий
Ручища с лопату
Такой легко, как репку
Стащит с любого бахмата
Хоть князя – хоть солдата

– Матушка, покуда – то да се
Сбирали битых, ямы рыли
Кроме тех, кто в драке сгибли
Еще двадцать душ почили

Разуменье мое
Шибко остро у солдат копые

А раненых буде поболе
Изувечены многие
Токмо божьей, да твоей волей
Их можно поднять на ноги

Матушка, чай, всем известно
От велика до мала
Как повсеместно
Ты горемычных спасала

Иной заморыш готов почитать
Ан, нет – попьет настой из трав
И учнет ножками сучить
Так богу душу и не отдав —

– Добре братья, раны подлечим
А кто уснул вечным сном
С тем ужо делать неча
Давайте их и помянем
Нехай буде пухом сыра – земля
Всем, кого не дождалась воля —
И, подняв руку, окстила высь
Куда их души унеслись

– Ещо, братья, вопрос не решен
Как поступить с теми
Стрельцами и свейцами
Кого взяли в полон

Матвей, сколь всех кажи мне? —
– Матушка, так ить, кто в броне
Тех, верно, под сотню буде
Верно ли, кажу люди? —

Голос – Матушка, так и есть
Коль и калеченных счесть —
– А стрельцов можа и под две
Ты ж намаялась с опросом? —

– Ладно, Матвей, так вот вопрос
Что мне задавать ни внове
И ни удумать одной голове
Как же с ними поступить
Помиловать или казнить? —

Голос – Матушка, отпустить

Служивых стрельцов бы надо
Чай, православные чада
А свейцам казню учинить
Дабы пресечь их прыть
И чтоб неповадно было
С иноземным – то рылом
На нашу землю ходить

Какова они здесь рожна?
Ишь, чаво удумали
Как токмо оскудеет мошна
По пьяному делу ли

Или ещо по какому?
Поди – разбери, по – простому
Так они ужо, тут как тут
Царю батюшке бух в ножки
И поклоны кладут
Мол, обнищали трошки

Прими послужить годок – другой
Как отказать – все с броней
Да в железных латах
А кто со своим бахматом
Вот так, верно – где мытьем
А где катанием
И попадают в солдаты? —

Дева, дослушав мужика
Ловит себя на мысли о том
Как смел взгляд земляка
На отношения с царем
Некого свейского чужака
Прибывшего бить челом

Ей нравится и горячность
С кой вступился за стрельцов
И что молвит, не прячась
За спины, а глядя в лицо

– Вот ведь мужицкое сердце
Доброе, всем открытое
Всегда распахнет дверцу
Униженному, битому

Ясно, что и просит, ни за всех
А токмо за народец свой?
Свейцу надо мекать головой
А не искать себе утех

За злато на сторонке чужой
Впадая в великий грех —

Наступила тишина
Подождав чуть, вновь молвит она
– А ты мекаешь как, Матвей? —
– Матушка, на все воля божья
И ей противиться не гожа
Сколь там ни разумеи
Но вот служивого пожалей

Да и у царя – батюшки
Глядишь, на Москве
Можа мысль в головушке
Мелькнет – по такой молве

Что тут вышли не бродяги
С кистенем за пазухой
Коль князя одним махом
Смяли в передряге
А после не стали плахой
Грозить стрельцу – бедолаге

Матушка, то буде и посыл
Царю, чтобы нас простил
Ну, а свейских чинов, солдат
Он сам пожалеет навряд
Зная, про их с совестью разлад —

– Матвей, сего ведать не могу
Да и ни молву царь слышит
А тех, кто на каждом шагу
Ему в темечко дышит

То бишь думных бояр
Да князей, да воевод
Кто люду похлеще татар
Буде в самый лихой год

Братья, тут речь, ни о том
Что о нас разнесет молва
И, что потом, скажет Москва
А как быть сейчас со стрельцом
И тем же заморским бойцом
Миловать или казнить
Как мне с ними поступить? —

Вновь наступила тишина
Измученные усталые

Мужики молчат – страшно стало
Пленных – то сотня не одна
Такого еще не бывало
– Нет, нехай решает она
Матушка, кому и пристало —

Чуя, что ответа не будет
Дева обращается к людям
– Братья, так вот, казнить не станем
Коль сам господь их оставил
Живыми на поле брани
Лишать живота мы не вправе

А в знак нашей победы
Отпустим стрельцов и солдат
Пущай, куда очи глядят
Уходят миру поведать
Как великодушно прощать
Умеет и мужицка рать

Может быть наше прощенье
Вразумит, в конце концов
И стрельцов, и свейских бойцов
Толкнет их – не на путь мщенья
А на тропу прозренья

Что войну ведем ни с ними
Они лишь попали под удар
А со сворами борзыми
Очумевших от власти бояр

Братья, мекаю и государь
В неведенье пребывает
Ни чуя, что божья тварь
В боярском обличии
В вотчинах вытворяет
Упиваясь величием
От делать нечаво

Так вот, чтоб поставить на место
Князя со сворой ненасытной
Пойдем с вами вместе
К царю с челобитной
Где рекой, где озерами
Где вольными просторами

Как пойдем братья? —
Крики радости, объятья
– Пойдем, матушка

К царю – батюшке
С тобой пойдём
Поведаем ему обо всем! —

Когда смолкли крики
Успокоились мужики
Дева молвит опять
– Братья, а таперь о том
С чаво и надо было начать
Куда нам отсель путь держать
На сем повороте крутом?
Разве могли мы знать

Что все обернется так
Когда шли к Шацку – граду
Разве это ни божий знак
Что нам ворочаться надо?

В родимые края
Где каждая елка своя
А всякий холм и бугор
Нам и дом, и забор
Скрывающий от вражьих очей
Моих верных бородачей

Токмо вернемся ни в чащу
А спробуем взять Темников – град
Проверим себя в настоящей
Осаде его стен и врат

Братья, так как вернемся? —
Тут же зашлись радостью лики
Послышались крики
– Матушка, вернемся
Темников – град воевать
Ему таперь не устоять! —

– Добре, так тому и быть
А покуда встанем в селе
Дабы раненых подлечить
Вижу одной недели
Может и не хватить
Токмо не будем спешить
В сем богоугодном деле —

Десять дней денно, ночью
Забыв про еду и сон
Дева лечит, делая, что можно
За флаконом флакон

Опустошает настой из трав
Кой заботливо припасен
Был еще с неких времен
Она и хирург, и костоправ

И простая санитарка
Но все в руках умелых
У нее споро и ярко
Словно она раздает подарки
А не хворь изгоняет из тела

Необычен и лазарет
Кого здесь только нет
Солдаты, стрельцы, мужики
Немощны, бледнолики
Кто спознал жало пики
А кто с неких пор
Крестьянские вилы, топор
И все лежат вперемешку
Безо всякой насмешки

А, она, как ангел витает
С кого кровь обтирает
Чистой тряпицей
У кого пулю вынимает
Кому плечо вправляет
И всюду попевает
Наша мастерица

Но сколь веревке ни виться
А конец все – таки будет
И стали крепнуть люди
На ноги подниматься
Раны рубцеваться
Битые срастаться кости
Тут оказалось – не все здесь гости
И, кое – кто, решил остаться

Так один пушкарь – умелец
Живущий в «Европах»
Но ей мастерски заштопан
Забыл, что он европеец
А не русский «Емеля»

Когда очухался еле
И с ним случилось то
Что дева, ни раз, сотворила
С евангельской охотой

Врачуя свою пехоту
Верно, и тут свейца пленила
Забота, с какой лечила

Ни говоря уж о стрельцах
Их десятка два дали ходу
И, наплевав, «в сердцах»
На своего воеводу
Сменили службу на свободу

– А это, как ни смотри
Уже случай небывалый
Пусть пока числом малым
Но первые пушкари

Должны положить начало
Той силе, что в кои веки
Слава богу, рать набирала —
Рассуждали так мужики
И гордясь матушкой своей
Уже шагали вдаль веселей

Но вот, едва осень пала
И дева, как обещала
С окрепшим отрядом
Явилась к Темникову – граду

Град древний, ей давно знаком
Ибо недалече обитель
Где она обрела себе дом
После смерти родителей

Стоит на высоком бугре
На реке Мокше – брег левый
Со старой церковью в центре
Св. мученицы Параскевы
В народе мученица
Еще именуется Пятница

Леса дремучие кругом
Темные – сосна да ель
Что в сплетенье вековом
Как – будто тянутся отсель

Вдаль сквозь чащу бесконечно
И, кажется, сама вечность
Не прочь в столь месте глухом
Обзавестись тайным гнездом

Темников – деревянный сплошь
Везде куда ни пойдешь
Даже церкви и града стена
И те из доброго бревна

А что вы хотели
Вкруг только сосны да ели
Устремленные ввысь
Вали себе – не ленись

Но теперь дева шла сюда
Уже не с толпой, как всегда
По лесам и долам ходила
С дубинами да вилами

А с дружиной боевой
О какой мечтала
Хорошо вооруженной
И ни чем попало

А тем, что перепало
От царского воеводы
Лучшим оружием в те годы
И, кое, без хвастовства
Свейскому уступит едва

Да еще и впервые
С зарожденья отряда
Все шли ни кучей, а как надо
Встав в ряды строевые
Видать, ни зря хлеб ели

Стрельцы, что у них осели
Хоть этому обучили

Вот уж, верно, и смех, и грех
Было со стен наблюдать
Как вскинув бороды вверх
В лаптях пыжиться шагать
Силясь удержать равненье
Мужицкое ополченье

А позади на подводах
Везут грозные чушки
Свейские четыре пушки
Изъятые у воеводы
Как достояние народа

Но, как, ни смешны мужики
А, всех, под две тыщи будет
У них копыя да клинки
Что всякому пыл остудят
У страха – то глаза велики

Еще не забыли ведь те
Кто был там на поляне
Как дерутся крестьяне
Убежденные заранее
В своей правоте

Вот только ядер в рати
Мало – как ни досадно
И для долгой осады
Конечно, не хватит

Но дева так рассуждала
– Нехай ядер мало
Допрежь вовсе не бывало
Так что, слава богу

Еще есть чем погрозить
Да погреметь немного
Главное, осажденным вбить
В сознание страх, тревогу

Чтоб сделать бойцов квелыми
Посеять в рядах панику
А потом взяться за дело
Привычное мужику

Долбить крепостную стену

Доверясь доброму бревну
День два, а то и боле
Угадаешь, что ли?

Сама бы не сподобилась
Так рассуждать с хитрецей
Но, ни зря ж, оказалось
В их рядах столько стрельцов

А уж кому, как ни им
Служивым и бывалым
Да ни знать, способом каким
Сила силушку сминала
Так что теперь и она
Смекалкой не обделена
Будет сему обучена

Однако ни строевой шаг
Лапотных мужиков
Ни пальба из четырех стволов
Не стоят тут ни гроша

И не пугает ни стрельцов
Ни иноземных бойцов
Те выкатывают не спеша
На стены свои пушки
Да так бьют с верхушки
Что в мужицких порядках
У всех душа летит в пятки

И дева быстро поняла
Что обольщаться не стоит
А схватка, что с князем была
Токмо разминка пред боем
А бойня, что называется
Только сейчас начинается

И что не взять с ходу град
Поменяв вилы на пики
О чем ясно говорят
Со стен грозные лики
Защитников – стрельцов, солдат

Это, видимо, и спасло
От разгрома ее пехоту
Ибо мужиков уж понесло
С бревном на ворота

Храбрости им не занимать

Это дева хорошо знает
Но, так же, и легко потерять
Все чем она располагает

То есть пустить под откос
Ее трехлетнее детище
А с ним оружейный обоз
Что будет еще горше

Мужики хоть и обозлились
Войдя в боевой азарт
Но по команде откатились
От городских врат назад

Оставив град в покое
Дева подле лагерем встала
Так, чтоб ядро никакое
До них не долетало

Тут сгодились и палатки
Что с обозом вместе
Можно сказать, честь по чести
Им достались после схватки

Каково было изумленье
Простых мужиков
Когда за одно мгновенье
Поднялись в лесу столь домиков
И не из самана иль бревна
А из плотного полотна
И связующих его шнурков

– И хотя этого баловства —
Как их мужики назвали
Было на триста душ едва ли
Но тут же разнеслась молва

Что мятежная дева
Встав станом для осады
Темникова – града
Теперь направо, налево

Ладит шатры, роет канавы
Под крепкие бурдюги
Потому как – о, боже, правый
Ожидает себе подмоги
Что уже давно в дороге

Слыша это в граде чины

Места себе ни находят
Мало того, что окружены
И продукты на исходе

Еще и колодцы осушены
Будь они ни ладны
Вроде и лето прохладно
И с водой быть бы должны

Ан, нет – ни коня не напоишь
Ни сам вдоволь не попьешь
Даже к реке не подойдешь
Что особенно горько
Ибо град на пригорке
А, значит, все как на ладони
Сидят, будто в загоне

Иногда из главных ворот
Вылазки предпринимали
Но мужики их загоняли
Не дав продвинуться вперед
Зело ловко ядра кладет
Мятежный пушкарь по ним
Кому нипочем – ни гарь, ни дым

Так попробовав, раз – другой
Потеряв с десятков стрельцов
Они решили, в конце концов
Отсиживаться за стеной

Надеясь, что мужицкая рать
Все – таки снимет осаду
Ибо и им где – то надо
Хлеб насущный себе искать

Только дева знает давно
Что речка тут вечный кладезь
И, значит, ей Христа ради
С рукой не ходить все равно

Как это уже бывало
Прячась в схронах, болоте
Река крестьян выручала
И, худо – бедно, но давала
Пищу для живой плоти
И рыба, и раки тогда
У них бывали всегда

Прошло две недели

Уже гуси к югу летят
Осажденные, как сидели
Взаперти, так и сидят

Как говорится, ни дать – ни взять
Патовая ситуация
Одни выйти вовне бояться
Другие их атаковать

Постреливают изредка
От нечего делать
Скорее для порядка
Чем для пользы дела

Когда со стен убили двоих
То, осерчав, на городских
Мужики взяли в руки
Подзабытые луки
И, сложив, пред собой стрел ворох
Чтоб не пользоваться порох

Город засыпать стали
В отместку стрелами
Может в кого и попали
Но что увидеть за стенами?

Ни раз, деве предлагали
Поджечь непокорный град
Но тут же отступали
Напоровшись на гневный взгляд

Да, и как, не гневаться
Толкают – то на великий грех
Оставить без крова тех
За кого и пришла драться
Наша соколица

Таких же, как и она сама
Куда им с детьми деваться?
Когда погорят их дома
Ведь ни за горами зима

Так, верно бы, и стоял
Ее отряд под стеной
Если бы вдруг, не прискакал
Дорогой столбовой
Как – то утром рано
Посыльный от атамана

Федор Сидоров – свой, местный
И хорошо известной
От Цны до самой Свияги
Любому бродяге
Кто ищет спасенья
От нужды и угнетенья

Сам из крепостных крестьян
Князей Долгоруких
Он смолоду слыл как смутьян
Ни раз, приложивший руки

И к поджогам имений
И к ряду нападений
На захмелевших стрельцов
Возле кабаков и шинков

Где выбрав место потише
Когда не было ни души
Отбирал сабли и бердыши
Делая все в одиночку
Как правило, темной ночью

Случалось, грабил и купцов
Не без того, конечно
Но, все мы, люди грешные
В конце – то концов

Еще у многих на слуху
Как однажды, он был пойман
И даже повешен на суку
Но лопнула вроде пройма
Под тяжестью крепкого тела
И он ухитрился умело
Сбежать чрез речную пойму

Но время летит, что птица
Успевай отсчитывать годы
Он взрослел – и, как говорится
Пройдя и огонь, и воду

И медные трубы
Что, верно, и есть сугубо
Круги чистилища ада
То бишь скитаний, глада, хлада

Поимок, пыток нещадных
Будь они трижды ни ладны
Но всегда до жизни жадный

Он, познав все, мал – по – малу
Из одиночки – бродяги
Превращается сначала
В вожака местной ватаги

А потом и отряда
С кем никому нет сладу
Наконец, вырвав у судьбы
Право самому решать
Как жить, куда направлять
Отныне свои стопы

Так вот, гонец привез две вести
И обе деве радуют ухо
Первая – что Разин по слухам
У Синбирских предместий
И вскоре здесь будет сам

Вторая – что их атаман
Считает за большую честь
Покинув насиженный стан
Прибыть сюда, чтоб насесть
На их общего супостата

И клятвенно обещает ей
Через распутицу и грязь
Появиться здесь скорей
Чем сделает это князь

Посыльный тут же ускакал
Даже не отведав ушицы
Увидев как духом воспрял
Отряд легендарной девицы

И, впрямь, мужикам по горло
Сытым толчеей на месте
Неожиданно поперло
На добрые вести

– Да, какие – мать – царица
Чаво на свете твориться! —
Восклицали они
Оседлав у палаток пни

– В кои – то веки
Сходятся сюда как реки
Два атамана и оба
Почитай, на подходе
Один с Мурома вроде

А другой и вовсе особый
Что матушке так долгождан
Сам батька Разин Степан —

И у девы очи светятся
Радостью потаенной
Скоро, бог даст, и свидится
Она со своей иконой

Но уже, ни на палубе
Боевого струга
А на миру, в толпе
Узнавая друг друга

И мысли ее уносили
Туда – далеко отсюда
Где батьки ладьи плыли
Являясь людям, как чудо

Пошли дожди холодные
Осенние, нудные
Льют, не переставая
Кому радость доставляя

Вроде тех, кто в осаде
Когда воды нет в граде
Подойдет и дождевая
И самим вдоволь попить
И коней напоить

Но, есть те, кому дождь – беда
Мало, что нагоняет
Скуку и тоску как всегда
Еще и отодвигает
Этим сдачу им града

А там всяко может статья
– Глядишь, по туманам
Да князь сподобится
Здесь с войском появится
Опередив атамана? —

Кроме того сырость – кругом
Вода по щиколотки
Ее не вычерпать лаптем
Из шалаша или палатки
Разве только сапогом

Но где их взять – одни мужики

Куда взор ни кинь
А им про сапоги
Даже думать не моги
Ни того эти ребятки
Как говорится – достатка

Многие ушли в бурдюги
Там еще, куда ни шло
И ни так сильно текло
Будут сухие хоть ноги

Одно что спасает – костер
Сделав широкий навес
Мужики с неких пор
Кучкуются только здесь

Дева живет в палатке
Что тоже под навесом
С дождей – то, взятки – гладки
Распоясались «бесы»
Чуя, что скоро осень
Их, как листву сбросит

Прошла еще неделя
В ожиданье атамана
Но сколь вдаль, ни зрели
Кроме дождя и тумана
Ничего не углядели

Одно радует все же
Что и к осажденным князь
Чрез непролазную грязь
Не шибко спешит, похоже

Наконец, похолодало
И на берегах Мокши – реки
Подули с севера ветерки
Солнце появляться стало
Повеселели и мужики
Известно, что без светила
Житие скучно и постыло

И надо же такому быть
Порадоваться не успели
Что дожди перестали лить
Как телеги заскрипели
Лошади заржали
И пред ними предстали
Те, кого ожидали

Атаман на вороном коне
В плаще добром, кафтане
Османская сабля на боку
За поясом нож в ножнах
Сидит, как влитой, и казаку
Позавидовать можно

С – под шапки волос светел
По вискам облит сединой
Лик с широкой бородой
Где той же седины пепел

По виду, как есть, мужик – хват
Рослый, под сажень аккурат
Будет на первый взгляд
Взор ясный, прямой
А очи с голубизной
Как у молодых чад

– Так вот ты, каков брат! —
Дева не в силах глаз отвести
От того – про кого говорят
Что он и у князя в чести
Недаром же, кой год подряд
Боярин не желает чтоб
Сошлись они лоб в лоб

За атаманом верховые
Их десятка три не боле
Следом повозки гужевые
Его обоз что ли?

Стволы пушек на подводах
Пяти головных – топорчатся
Даже не прикрываются
А позади – пешим ходом
Мужики еле тащатся

Все в лаптях, армяках
Подпоясанны веревкой
На чем навешены ловко
Ножи и сабли в ножнах
А копья и пики в руках
Словом у каждого – хоть что – то
Без чего не воюет пехота

Атаман с жеребца слез
И, сняв шапку, не торопясь

Поклонившись деде в пояс
Громко произнес
– Здраве буде, матушка
Не серчай, что запоздал гость
Заждалась, небось? —

– Здраве буде и ты, батюшка! —
А у самой щечки зардели
Дыханье прервалось
Сердечко опустилось
А что вы хотели?

Когда тебе за двадцать еле
Румянца чувственный след
Мгновенно сводит на нет
Гордыню, монашеский обет
Но чтоб понять не успели
Что в сердце на самом деле
Она тут же молвит в ответ

– Верно, очи проглядели
Неделю за неделей
Не переставали молиться
Людам верить хочется
Что в добрый час
Господь сводит нас —

– Коль так, принимай обоз
Почитай, все тебе привез
И ядра, и порох, и свинец
И воинов своих, наконец

В них моя сила, матушка
А не в ружьях, да пушках
Все долгие годы
Вместе шли сквозь огонь и воду
Но, загодя, хвалить не буду

Вот завтра, как рассветет
Не поленись зреть сама
Средь них и склизкого налима
Что запросто пронырнет

Пораскинув умишком
Любого дозора мимо
И косолапого мишку
Кой наддаст по вратам так

Что вышибет весь косяк

И даже хитрого лиса
Что будто крот сладит подкоп
С любого мыса
Коль не возьмем град в лоб

И все это, мой мужик
Храбр, умен, многолик
Как есть, именно таков
На чьих плечах спокон веков
Как тяжкий, но бесценный груз
И возлежит матушка Русь —

– Ладно, батюшка, сами таки
Чай, из одного теста
Аль мои мужики
Не ставили князя на место? —

– Слышал, матушка, слышал
Земля слухами полнится
Потому сюда и примчал
Чтоб вместе с ворогом биться

Знаю, что град воевать
Те, матушка, впервой
Заодно – не буду скрывать
Хочу повидаться с тобой

Слышал уж ни одна
Гуляя по градам и весям
Что величает тя молва
Не сироткой безродной
А, явившись с поднебесий
Заступницей народной —

– Будя, батюшка, люд устал
От кабалы и лишений
Сколь можно стоять на коленях
Разжимая свои уста
Токмо для плача и стога
И так со времен она

Куда деться от сего креста
Непосильного бремени
Простому люду – где ниша та
Чтоб отдышалась беднота
Хоть в одном поколении
Даже в церковных лонах
Не укрыться от законов
Бесовского племени

Так вот всякий, кто здесь
Я ли, ты – любой мужик
Вставший супротив бояр, и есть
Тот народный заступник
Кому и хвала, и честь

Ладно, батюшка, время не ждет
Пока варят уху мужики
Давай пройдем вдоль стен, ворот
Глянешь, на сколь крепки —

– Матушка, а сколь в граде врат? —
– Двое, одни глядят в реку
А другие в обрат
Варницы на обоих, кстати
Так что хлебнем кипятку
А то и смолой окатят —

– Сдюжим, нам не привыкать
Цепи я прихватил
Буде чем бревна обвязать
А там уж, хватило бы сил? —

Подошли, встали невдалеке
Она в темном одеянье
И темном платке
А атаман в армяке
Сменил платье заранее
Чтоб не привлечь внимание

Но, куда там – в городке
Все уже знают
Кого дева сопровождает
И кто тот в сермяге

Дозорные успели
И узреть, и посчитать
Какую он привел рать
И для какой цели

Оказалось, что поспешил
Батька – атаман
А может, поторопился
Но, пригнал, ни весь свой стан

Граду доподлинно известно
Что под Муромом его рать
Насчитывает тыщ пять

А сколь привел на место?

– Тыщу мужиков от силы
Да и пушек – то, с пяток
Знать, не дюже грозен ходок
И не велик подарок милой

Таперь и воевода
Буде к ним поспешать
Зная, что атаман походом
Вышел Темников воевать —

Верно, в таком роде
И рассуждали в граде
Теша себя мыслью, что вот – вот
Арзамас войска подведет

И забегали стрельцы
Туда – сюда во все концы
Засуетились солдаты
Погнали на стены горожан
Всех, кому и не охота
Укреплять ворота
Дабы сдерживать таран

Время есть – вряд ли, с ходу
Мужики пойдут в атаку
Надо разгрузить подводы
Отдохнуть перед дракой

Так уж повелось на Руси
Издавна, испокон века
Чтобы боже упаси
Не покормить человека
Тогда ничего не проси
И работа не будет милой
И воюет в пол – силы

– Но скоро стемнеет
Значит, с рассветом
Они возьмутся за это —
Так в граде разумеют

И, конечно, угадали
Оглядев ров, ворота
Атаман с девой ушли
В лагерь, где их ждали
Приготовлений заботы

Надо поест, оглядеться
Подготовить места для сна
Для костров, чтоб погреться
Ночка осенняя холодна

Уха удалась на славу
Все наелись «от пуза»
Многие, склонив главы
Будто непосильны грузы

Тут же у костра засыпали
Мужиков понять можно
Боле ста верст прошагали
По местам тревожным
Чуя, что знает воевода
Про их марш числом небольшим
И может во время похода
Устроить засаду им

Но, слава богу, обошлось
Воевода не сподобился
А, может, и войск не нашлось
Распыляться на всех и вся

Обговорив с атаманом
Кому, какие врата брать
Чтоб на пятки не наступать
Друг другу утром рано
Ибо детальных планов
Не привыкли составлять
Все разошлись спать
– А уж, чей верх тут буде
Нехай, господь – бог рассудит? —

Дева спала, как младенец
Безмятежно и сладко
Словно она, ни в палатке
А в детской кроватке
Прижав к груди гостинец

Не успела на ноги встать
Как ударил с церковей набат
Зовя всех, кто стар и млад
На стены град оборонять

Костры всю ночь полыхали
Подогревая варницы
И теперь момента ждали
Чтобы вниз пролиться

Но разве кого испугает
Известная всем страшилка
И дева в азарте пылком
Первой к воротам подбегает

А следом за ней напрямки
Бегут кучкой мужики
Тащат на плечах бревно
Обмотав цепями
Им тоже, видать, все равно
Что парит над головами

Поэтому и в шапках
Даже шутят, долбя бревном
– Уж, верно, не буде зябко
И под проливным дождем —

Дева что ворон – вся в черном
В руках лук – колчан за спиной
Любого стрельца проворней
Шлет стрелы одну за другой
Сбивая со стен непокорных
Посмевших лить смолой
Или кипящей водой

Но вот затрещали ворота
Прогнулись и застонали
Как – будто живое что – то
С дубовой груди вынимали

Бревно еще раз долбануло
Для верности, чтоб ни гадать
И тут же из леса рванула
В атаку и вся ее рать

Ударили пушки с бойниц
Забухали ружья, пищали
Но раж их, ни знает границ
И сотни крестьян побежали
Туда где проем увидали

На бегу, заломив шапки
Как в праздник, на святки
Одолевая ров и подъем
Ступая друг другу на пятки
Все лезут вперед напролом

За матушкой следом

Под сердца сладостный стук
Ни чуя – ни ног, ни рук
Но, предвкушая победу

А та, закинув за спину лук
Будучи и с саблей в ладу
Вынимает клинок на ходу
И рубит с обеих рук
Своим на радость – врагам на беду

Свейцы и впрямь, на нее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.